

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Кузнецкий Мост, 13;
тел. 1-23-99.

АДРЕС ЭКСПЕДИЦИИ: Москва, Кузнецкий Мост, 13;
тел. 2-80-42.

№ 2

1929

17 января 1929 года

Рабселькоры, печать и революционная законность.

Печать становится все более мощным и действенным проводником самокритики, коллективным организатором масс в борьбе с злоупотреблениями, недочетами, искривлениями в различных областях работы.

Через растущую количественно и качественно армию рабселькоров вскрывается многое множество малых и мельчайших темных и трудных уголков нашей жизни.

При помощи рабселькоров до суда и прокуратуры доходит много серьезных дел, которые других путей не нашли, не открыли.

Укрепление связи между рабселькорами и прокуратурой—настоятельная задача времени.

Выполнение директив ноябрьского Пленума ЦК о революционной законности сможет быть в значительной мере облегчено прокуратуре при надлежащем рабочем контакте с рабселькорским движением, при участии в руководстве этой работой.

Нужно направить внимание рабселькоров на те участки, которые имеют сейчас особое значение и которые до сих пор еще недостаточно ими охвачены. Это относится, в первую очередь, к деревенской работе. Кабальные сделки, скрытые формы купли и продажи земли—эти огромной важности вопросы мало освещаются селькорами. Своеобразная смычка между социально различными прослойками деревни на основе родственной спайки, бытовой отсталости (передовой демобилизованный красноармеец прикрывает своего родича-кулака, производя в его интересах формальный раздел и проч.) редко доходят до общественности через селькора.

Более тесная связь между прокуратурой и рабселькорами помогла бы выправить ряд недочетов и в этой области и создать из этого мощного вида советской общественности крепкую опору для проведения в жизнь революционной законности.

Для этого, однако, необходимо провести целый ряд неотложных мероприятий по усилению защиты рабселькоров, помощи им в работе.

С обострением классовой борьбы увеличились преследования рабкоров и, в особенности, селькоров. Наряду с прямыми убийствами все чаще практикуются

поджоги, порча скота, угрозы, запугивания, клевета и т. п. До сих пор еще местные органы юстиции подчас подходят к делу организации защиты селькоров от преследований формально. Дела ведутся недопустимо медленно.

Прокуратуре на местах необходимо полностью изжить волокиту по этим делам в своих аппаратах. Необходимо установить тщательный контроль и наблюдение за делами, широко освещать в печати судебные процессы, добиваться усиления репрессий против преследователей рабселькоров, шире использовать право предъявления гражданских исков. Прокуратура должна следить за тем, чтобы следствие и рассмотрение дел проводилось с максимальной быстротой, чтобы ведение следствия поручалось наиболее опытным работникам.

Всесоюзное совещание рабселькоров подняло вопрос об издании закона, предусматривающего обеспечение рабселькоров, пострадавших в результате своей деятельности, как лиц, утративших трудоспособность в борьбе с контрреволюцией. Этот вопрос уже рассматривался в Наркомсбесе и получил положительное разрешение («Правда» № 297 от 22 декабря п. г.). Прокуратура должна заострять внимание на разъяснении и проведении в жизнь этого закона.

Надо более энергично проводить директивы НКЮ о привлечении к ответственности за угрозы рабселькоров¹⁾.

В практике местной работы все еще имеют место случаи, когда неопубликованные заметки посылаются для расследования с указанием адресов и фамилий рабселькоров, несмотря на их просьбы сохранить это в тайне. Особенно бережно надо в этой области охранять интересы селькоров. Нередки случаи, когда селькор—батрак, пастух—принужден после выявления его селькоровской работы уходить в другой район, так как в своем селе его никто после этого не берет на работу.

Борьба за действенность корреспонденций остается до сих пор одним из самых больных вопросов. По данным Прокуратуры Республики, % подтвердившихся

¹⁾ Циркуляр от 6/1 1926 г., № 3.

заметок, начиная с 1926 года, не превышает 58%. Где причина этого явления? Лежит ли корень зла только в том, что, несмотря на все внимание Партии к рабселькорскому движению, несмотря на громадную работу, проводимую с рабселькорами, до сих пор так много печатается и пишется корреспонденций неправильных, не подтверждающихся? Вопрос настолько серьезен, что следует более детально остановиться на нем. Нам кажется, что устойчивость процента неподтвердившихся заметок в достаточной степени зависит от целого ряда обстоятельств, коренящихся в аппаратах органов прокуратуры и расследования. Но было бы ошибочно думать, что эти обстоятельства зависят только от этого. Надо прямо сказать, что есть еще много случаев, когда заметки при расследовании не подтверждаются.

Здесь стоит вопрос о составе рабселькорских рядов, в особенности в национальных республиках и областях. Есть случаи, когда классово-чуждые и враждебные элементы (баи, муллы, манапы, духовенство, кулаки), пользуясь экономической зависимостью и некультурностью масс, влияют на рабселькоров, стараются использовать рабселькорское движение в своих классовых интересах.

Здесь прокуратура должна оказать всемерную помощь редакциям газет в смысле классового воспитания рабселькоров путем участия своими силами в работах кружков, проведения лекций, бесед, а также в деле выявления чуждых, примазавшихся элементов¹⁾.

Какие причины «аппаратного порядка» влияют на низкий процент подтверждающихся заметок?

а) В ряде прокуратур еще имеется тенденция взять под наблюдение побольше заметок, в результате чего аппарат перегружается и не в состоянии вести должного наблюдения.

б) Берутся под наблюдение такие заметки, которые не содержат в себе ничего криминального или незаконного.

в) Расследование заметок поручается администрация заинтересованных учреждений.

г) Расследования зачастую поручаются должностным лицам, находящимся в подчинении тех, о ком пишется заметка. Описываются ненормальности или незаконные действия председателя вол- и райисполкома—расследование поручается нач. вол- и раймилиции. В этих случаях заметки наиболее часто «не подтверждаются».

д) Медленность расследования, в результате чего описанный факт утерян интерес.

е) Недостаточно точный учет.

ж) Аппаратный метод расследования в тех случаях, когда расследование той или иной заметки следовало поручить секции советов.

Мы имеем, однако, опыт большинства прокуратур, где вопрос отбора заметок разрешен, в результате чего имеются весьма положительные результаты. На совещаниях работников газет, прокуратуры и РКК разрешается вопрос о том, кто и за какими заметками наблюдает. Прокуратура оставляет за собою, как правило, заметки, имеющие своим содержанием уголовно-наказуемые факты. Такое разграничение заметок устраняет параллелизм в работе различных органов и обеспечивает большую быстроту и правильность

расследования, которое ведется каждой организацией.

Заслуживает особого внимания прокуратуры организующиеся по решению всесоюзного совещания рабселькоров при редколлегиях стенных и печатных газет Бюро достижений, задача которых — обеспечить действительность корреспонденций. Для связи с прокуратурой Бюро достижений выделяет особого товарища. Нужно эту связь создать, закрепить и держать повседневно.

Участие женщин вообще и националок в особенности в рабселькорской работе встречает ряд затруднений. Прокуратуре необходимо более активно прийти на помощь этому отряду рабселькоров. В статьях работников прокуратуры, помещаемых как в печатных, так и стенных газетах, нужно полнее и ярче вскрывать факты борьбы с бытовыми предрасудками, изворотливости классово-чуждых элементов, преследования и закрепощения женщин. Желательно время от времени освещать в печати проходящие через прокуратуры и суды наиболее интересные дела этой категории.

Н. Богом'лов.

«О»

По запискам рабселькоров.

(Несколько практических выводов для прокурорских работников).

Резолюции закончившегося 4-го всесоюзного совещания рабселькоров имеют громадный принципиальный и практический интерес для всех работников суда, следствия, дознания и прокуратуры. Резолюции эти поэтому должны стать предметом серьезного изучения и проработки на местах не только со стороны рабселькоров, но и со стороны работников юстиции, которым приходится повседневно реагировать на разоблачения печати и выступать на защиту рабселькоров от всевозможных преследований.

Предметом настоящего обзора является не анализ резолюций совещания, а некоторые выводы, напрашивающиеся из материалов отдельных записок и беглых замечаний, которые поступили от делегатов совещания в связи с докладом на совещании т. Крыленко.

Таких записок поступило несколько сот. О чем же они говорят?

Прежде всего, выделяется группа замечаний, указывающих на недостаточную жесткость местами репрессии как в отношении гонимых рабселькоров, так и в отношении злостных и крупных растратчиков, профессионалов-грабителей и т. д.

Вот несколько выдержек из этой группы:

— В 1926 г. был убит селькор Соколов (с. Микулинское, Тверской губернии и уезда). Убийцы приговорены к 6 годам тюрьмы. Просидев в тюрьме полтора года, убийцы в мае 1928 года были освобождены. Зачем даются такие большие скидки?

— Наказание к высшей мере еще недостаточно. Нет такой газеты, где бы не писалось об убийствах общественников-селькоров. «Правда» от 2/XII сообщает о 3 убийцах и одном ранении. Это только за одно число. А наказано за весь период 19 человек.

— Осуждают на 5—10 лет за растраты в 20—40 тыс. руб.—Рабочий зарабатывает в месяц 50—80 руб., а растратчик в тюрьме—до 300 руб.

Вывод отсюда двоякий. Во-первых, местами директивы НКЮ о жесткой репрессии в отношении го-

¹⁾ См. статью тов. Кобыкова («Е.С.Ю.» 1928 г. № 42—43).

интелей рабселькоров (директивы, приобретающие особо серьезное значение в условиях под'ема волны преследований на почве обострения классовой борьбы и сопротивления самокритики) проводятся недостаточно. Ибо, несомненно (и это подтверждается рядом других материалов), местами еще репрессия недостаточно жестка, недостаточно учитывают социальную опасность этих преступлений, что не исключает противоположных и столь же вредных перегибов в других случаях. Поэтому по линии прокуратуры встает задача усилить работу по судебному надзору за этого рода делами путем увеличения числа выступлений, путем большего привлечения общественных обвинителей, путем ознакомления со всеми приговорами и опротестования неправильных приговоров.

Во-вторых, в ряде заметок рассматриваемой группы обращает на себя внимание другая черта — то, что у некоторых рабселькоров существует представление, будто вообще, как правило, судебная репрессия в отношении гонителей у нас слаба, будто суд реальной угрозы для гонителей рабселькоров не представляет. Разумеется, это совершенно неправильное представление, которое пужно рассеять. А в значительной мере в существовании такого неправильного представления повинны сами же судебные работники. В одном из циркуляров НКЮ за 1928 г. указывалось как на серьезный пробел, «закрывающийся в недостаточном освещении в общей печати судебных процессов (и их результатов) над гонителями рабселькоров. Только о незначительной части приговоров суда, осуждающих преследователей к тем или иным мерам социальной защиты, информируется печать и широкая советская общественность, что не может не влиять отрицательным образом по линии предупреждения подобных преступлений в дальнейшем».

В виду этого предложено было шире и планомернее информировать печать и советскую общественность о деятельности по борьбе с преследованиями рабселькоров, в частности, о судебных процессах.

Необходимо эту меру ввести в повседневный обиход. В частности, большое число записок интересуется результатом рассмотрения дела по покушению на селькора Брилеву Верхсудом.

Следующая группа записок и замечаний касается волокиты и бюрократизма при расследовании заметок.

Указываются отдельные факты и примеры. Разумеется, по всем указанным фактам Прокуратурой Республики приняты соответствующие меры.

Вот несколько выдержек:

— Дело об убийстве селькора Красавцева (Псковск. окр.) тянется с февраля 1928 года.

— Месяца четыре тому назад обратился к губернскому прокурору с жалобой на приговор суда, которым был оправдан кулак, избивший рабкора. Пока ни ответа, ни привета.

— Заметки иногда направляются расследовать тому лицу, которое в заметке разоблачается.

— Если 40% заметок не подтверждается, то тут вина не только корреспондентов. Нужно следователям лучше, объективнее и своевременно разбирать заметки.

— Избитого кулаками селькора Сергеева следователь вызывал для допроса за 50 верст.

— Что делать, если наши заметки попадают к прокурору, а от него в уборную? (Мар. обл.).

Особо подчеркивается неудовлетворительность расследования тогда, когда его поручают сельсоветам.

Все это, конечно, не ново.

О волоките и бюрократизме в деле расследования заметок писалось не раз. Не раз давались на сей счет самые жесткие директивы. Но тот факт, что жалобы на волокиту и бюрократизм не прекращаются, доказывает всю остроту задачи по проверке фактического выполнения неоднократных директив.

— Пора привлекать к ответу волокитчиков из числа прокурорских и судебных работников, — замечает одна из рабкорских записок. «Директивы НКЮ о рабкорах плохо выполняются».

Здесь небольшая неточность. Немало волокитчиков «из числа прокурорских и судебных работников» за последнее время уже привлечено к ответственности. Но правильно то, что: 1) к такого рода «хирургической операции» надо прибегать чаще, учитывая директиву, что «лучше на том или ином участке работы вовсе не иметь работника, чем иметь работника, дискредитирующего прокуратуру своим чиновничьим и бездушным отношением к делу», и 2) и о такого рода фактах надо шире информировать общественность, чтобы ни у кого не создавалось впечатление, что работники прокурорские и судебные за волокиту и бюрократизм пользуются безнаказанностью.

Оставляем в стороне группу личных и письменных заявлений относительно различного рода злоупотреблений на местах.

Наиболее существенное здесь не столько самый факт тех или иных злоупотреблений и непорядков, сколько трудность борьбы с ними кое-где и пассивность со стороны тех органов, которые в первую очередь обязаны вести эту борьбу. Возьмем, например, такой факт. В одном из районов чрезвычайно развито шинкарство. Шинкари торгуют открыто, об этом знает стар и млад. Но об этом ничего не знает или не хочет знать начраймилиция. Когда обращается рабкор и указывает на шинкарей, начмилиция требует, чтобы рабкор непременно вступил в дело в качестве свидетеля (!). Об этом рабкор беседовал и с прокурором, да толку пока получилось мало. Шинкари торгуют, а милиция умудряется оставаться в счастливом неведении.

Далее, идет группа запросов справочного, так сказать, характера. Некоторые из них имеют индивидуальный интерес. Но особого внимания заслуживает следующий факт. Среди вопросов встречается ряд таких, которые доказывают, как мало еще сделано (сравнительно с тем, что надо еще сделать) по части популяризации среди рабселькоров элементарных и непосредственно касающихся рабселькоров директив НКЮ.

Например, один рабкор спрашивает, почему не преследуются угрозы убийством рабселькора за его разоблачения, в то время как есть прямая директива за такого рода угрозы привлекать к уголовной ответственности.

Другой такой же вопрос задает об ответственности за разглашение псевдонима рабселькора, за срыв стенгазеты. Третий полагает, что у нас должностных лиц по закону будто бы никак не привлекают, если они по-бюрократически игнорируют касающиеся их заметки.

Ясно, что перед задачами популяризации непосредственно относящихся к рабселькорам законов и

директив еще стоит непочатый край работы, в особенности если учесть факт роста рабселькоровской армии. Попутно надо отметить большой интерес, проявленный к реформе кодексов, в частности процесса и защиты. Это доказывает, что вынесение основных узловых моментов предстоящих реформ на обсуждение советской общественности назрело и обещает плодотворные результаты.

Н. Лаговьер.

Опыт анализа случаев преследования рабселькоров.

Калужской губпрокуратурой в ноябре было созвано совещание по борьбе с преступностью, на котором был поставлен вопрос о мерах борьбы с преследованием рабселькоров. Вопрос был поставлен широко, при участии РКИ, ГАО, губрозыска, ГСПС, ГИК, губкома, секции горсовета. Совещание прошло очень активно. Активность собравшихся позволила учесть ряд таких дефектов, заслуживающих самого серьезного внимания, которые обычно ускользали из сферы внимания. Совещание констатировало прежде всего отсутствие достаточного учета самих преследований. Учтен 21 случай, но в эту цифру не вошли преследования рабселькоров центральных газет, ибо последние в целях обобщения этих случаев местной редакции не сообщались.

Выяснилось, что анализа преследований вообще нет. Редакция, обладающая наибольшим материалом, ибо часть расследований проводилась не прокуратурой, а через другие органы, анализом этих дел не занималась. Совещание пришло к выводу о необходимости создания при редакции специальной комиссии, где нужно сосредоточить проработку этих вопросов, и налаживание связи с рабселькорами, выявления их лица. Последний момент особо был заострен на совещании, поскольку был приведен ряд случаев, граничащих с анекдотами, свидетельствующих о том, что к семье рабселькоров примазывается элемент негодный, требующий немедленного отсева. Приведу несколько примеров, как подобные лица пытались создать обстановку преследования.

Селькор Халтурцев сообщил во все учреждения, борющиеся с преследованием рабселькоров, что он, на почве своей корреспондентской деятельности, избит. Ему будто бы проломили голову. Уездные организации заволновались, ибо Халтурцев действительно писал в газеты. Участковый помпрокурора принял немедленные меры к расследованию. Началось дознание, телефонные разговоры, обсуждение данного вопроса в плоскости того, какое зло это преследование и т. д. Одним словом, все были поставлены на ноги. В результате же расследования оказалось, что селькор Халтурцев устроил совместную попойку с местным попом. Под винными парами они поругались и подрались. В результате поп ударил его крестом по голове. Никакого преследования не было.

Селькор Томсон (быв. помещик) ходил в пивную и требовал себе бесплатно пива, как работник прессы. Когда ему отказали, он написал заметку о непорядках в пивной. Когда его стали выселять, как б. помещика, одним из доводов к своему оставлению он приводил злобу местных властей за его «селькоровскую» деятельность.

Селькор Миронов поднял травлю против правления кооператива за то, что он не был введен в его состав. Когда правление уволило его за какой-то проступок, он поднял вопрос о преследовании. По этому делу было произведено самое серьезное расследование, которым установлено, что Миронов фактически принадлежит к нетрудовому элементу (б. мельник, церковный староста, скупщик царской звонкой монеты), что он для травли правления дошел до того, что, собрав свой кружок, издавал специальную стенгазету и использовал губернскую и центральную прессу.

Вот три наиболее характерных случая. Они заставляют задуматься над тем: нет ли и здесь продуманного наступления враждебных элементов против советской общественности, поскольку другие пути все более и более для них закрываются. На этом вопросе следует остановиться и поставить его шире, увязав его с вопросом о партпрофруководстве рабселькорами и их кружками.

Много споров на совещании вызвал вопрос о том, как избежать раскрытия фамилий авторов заметок, чтобы оградить их от преследований, так как выявилось, что и присылке копии заметок бывают случаи раскрытия фамилии, так как в связи с расследованием органы дознания вызывают их по ходу дела для допроса.

Совещание пришло к выводу о необходимости отсылки исключительно копий, поскольку подлинные заметки, хотя бы и с отрезанным концом ее, где обозначена фамилия, дает возможность раскрытия автора по почерку. Между прочим, до сих пор как центральные, так и местная редакции последний способ продолжают практиковать.

Большое внимание вызвал вопрос о недостаточном количестве печатных опровержений и помещении их мелкими буквами в уголке газеты. Совещание признало необходимым более широкое освещение путем помещения проверенных фактов, затронутых в заметках, и необходимость раз'яснения вреда от помещения непроверенных заметок.

Совещание решило не ограничиваться данным обсуждением этого вопроса, а передать для более детальной проработки материал в постоянную комиссию при редакции, где должен также быть поставлен учет рабселькоров и налажена тесная увязка их работы с прокуратурой. Уже поступил для проработки в комиссию новый материал о преследовании рабкора.

Инициатива прокуратуры по созыву этого совещания дала безусловно реальные результаты.

Врид. зам. прокурора Калужской губернии К. Бяжков.

Г. Калуга.

К критике проекта УПК.

(Сводка замечаний по проекту, как материал к обсуждению проекта на С'езде).

Хотя редакцией журнала и получен ряд статей, посвященных напечатанному в №№ 28 и 29 за прошлый год проекту УПК, нельзя не признать, что критика проекта, несмотря на сравнительно долгий срок, прошедший со времени его напечатания, развернулась далеко недостаточно.

Полученные редакцией статьи в большинстве своем касаются отдельных и, сплошь и рядом, второстепен-

ных вопросов проекта. Зато исключительно интересной является статья проф. М. Гродзинского (Харьков) «Проект Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР», помещенная в №№ 22—24 «Вестника Советской Юстиции». Составляя настоящую сводку как материал к обсуждению проекта на съезде, мы считаем совершенно необходимым включить в нее и названную статью, взяв из нее наиболее существенное и, конечно, не останавливаясь на тех местах, замечания по которым отпадают после изменений, внесенных в проект на основании обсуждения его на ноябрьском совещании судебных и прокурорских работников.

Предлагаемая проектом система кодекса, в общем, не только не встретила возражений, но рядом авторов признается более удачной, чем система действующего кодекса. Проф. Гродзинский, не отрицая наличия ряда недостатков в системе действующего кодекса, тем не менее, находит:

«что отказ проекта от выделения общих положений в особый раздел является неправильным и что система, принятая проектом, приводит к неправильному размещению материала, к затупевыванию порою сущности и важности целого ряда норм общего характера, а также к пробелам и противоречиям».

В обоснование своего вывода автор приводит ряд примеров, беря такие статьи, которые содержат положения общие для различных стадий процесса. Таковы, например, ст.ст. 97¹⁾ проекта (о языке, на котором ведется производство), 152 (о признании срока на обжалование непронпущенным при сдаче жалобы на почту), 1 ч. 129 (о действии уголовного закона во времени). Что положения эти не представляют из себя особенностей какой-либо одной статьи процесса и что приведенные статьи не исчерпывают всех имеющих в проекте статей, затрагивающих различные стадии, спорить не приходится. Но для опровержения предлагаемой проектом системы указания проф. Гродзинского не кажутся нам достаточными. Мы считаем, что для каждого работника, применяющего кодекс, недостаточно знания только той его части, которая относится непосредственно к его работе. Он обязан иметь представление о всем процессе, обязан знать весь кодекс, для чего мы и стремимся к максимальному сокращению кодекса. Отдельные положения, общие для различных стадий, мы относим к той из них, к которой данное положение ближе, где его применение чаще. Для того же, чтобы это положение могло быть учтено и в другой стадии, мы применяем систему отсылок. Упрек в недостаточном развитии этой системы принять можно, но это дефект технический и легко устранимый. При наличии правильных отсылок общая норма, не вынесенная за скобки, а помещенная в наиболее подходящей части кодекса, не только не затупевывается, а приобретает более практический характер. Тому же, чтобы кодекс включал в себя исключительно практически применимые нормы, мы придаем громадное значение. И, наконец, указание автора на то, что данная система приводит к пробелам и противоречиям, лишено всякого основания. Если пробелы и противоречия в проекте имеются, система в этом повинна меньше всего. Во всяком случае принятая проектом система с точки зрения ее практических преимуществ получила одобрение со стороны работников-практиков.

Второе общее замечание Е. Гродзинского относится к вопросу о сокращении числа статей проектируемого кодекса. В ряде случаев он признает такие сокращения вполне реальными и упрощающими систему кодекса и потому представляющими определенное достижение с точки зрения требований законодательной техники. Но, вместе с этим, он выделяет и такие сокращения, которые, по его мнению, «вряд ли могут рассматриваться как какое бы то ни было достижение». Это, во-первых,—сокращения, достигнутые путем объединения двух или более статей, во-вторых,—сокращения, полученные в результате того, что некоторые вопросы просто обойдены в проекте молчанием.

По первому замечанию мы должны сказать, что случаи соединения статей в проекте, конечно, имеются. Но можно ли возражать против этого, если мы в результате, избегая расплывчатости, повторений, даем сжатую норму, не вызывающую сомнений при применении на практике? Как наиболее разительный пример, М. Гродзинский приводит объединение в ст. 146 проекта (о судебном приказе) целых шести статей действующего кодекса (366—371). Да, это так. Но получилась ли эта одна статья хуже замененных ею? Пужно ли было в определении особенностей производства в порядке судебного приказа расплываться по шести статьям? Мы считаем, что этот разительный пример говорит в пользу проекта и что в нем нет ничего такого, что могло бы дать основание к упреку в искусственности объединения, в погоне за чисто внешним сокращением таким путем объема кодекса. Другое дело, если в проекте допущено объединение необъединимых статей. В качестве одного из примеров такого объединения М. Гродзинский приводит ст. 21 проекта, которая, устанавливая порядок обжалования действий производящего расследование, говорит, что в этом же порядке производится и отвод производящего расследование. Статья, говорит он, затрагивает два совершенно различных процессуальных института. Вспорно, что оба вопроса затронуты в той главе, где это и должно быть сделано. Так неужели же, подходя опять-таки с точки зрения практической, можно требовать, чтобы вслед за ст. 21 об обжаловании шла ст. 22 об отводах с указанием, что они проводятся в порядке ст. 21? Не более убедительны и остальные приведенные примеры (ст.ст. 129, 171). Наконец, проект составлялся вовсе не в том направлении, чтобы втиснуть все признанные необходимыми к включению в кодекс нормы в определенное количество статей. Их в проекте 175, но если будет более основательно доказана невозможность или явное практическое неудобство объединения отдельных положений, такие статьи могут быть разбиты. Думаем, что никто не будет в этом случае возражать против некоторого увеличения количества статей.

Более серьезно замечание о том, что некоторые существенные вопросы процесса обойдены молчанием. Приводимые примеры (надо полагать, наиболее яркие для обоснования замечания) не убеждают нас в том, что в данном отношении проект имеет существенные пробелы. Правда, надо сказать, что некоторые из них отпадают после внесения ноябрьским совещанием поправок. Но возьмем то, что осталось опущенным:

«Проект опускает положение, содержащееся в ст. 165 УПК и требующее, чтобы показание свидетеля состояло сначала из связного рассказа, а

¹⁾ Нумерация статей дается по последнему проекту («ЕСЮ» 1928 г. № 46—47).

затем из ответов на задаваемые вопросы... Это положение... находится в полном соответствии с данными и выводами психологии свидетельских показаний».

Ну, а требования включения такого положения, как обязательного для ведущего расследование, находится ли в соответствии с данными практики производства допросов свидетелей и обвиняемых в нашем, именно, процессе? К чему, практически, сводится такое требование при применении его к основной массе проходящих в нашем процессе людей? Для нас представляется совершенно бесспорным, что оно не только не может применяться как правило, но что, наоборот, его применение—исключение. И поэтому при наличии общего указания ст. 27 о полноте допроса во включении допущенного положения особой надобности не имеется.

«Проект опускает положения, содержащиеся в ст.ст. 292—296 УПК, и тем самым оставляет без разрешения вопрос об условиях и порядке прочтения показаний, данных подсудимым и свидетелем на предварительном расследовании, а также вопрос о праве свидетеля ссылаться на имеющиеся у него документы и заметки».

Да, этих положений нет. Но сомневаемся, чтобы сколько-нибудь убедительно можно было обосновать их необходимость и, к примеру, необходимость предусмотреть в кодексе право суда, при слушании дела в отсутствие подсудимого, на оглашение показаний, данных на предварительном следствии отсутствующим или (лучше того) умершим подсудимым (ст. 295).

Кодекс должен состоять из статей, определяющих основные вехи процесса. Таковы были директивы коллегии НКЮ комиссии по составлению проекта. Путь, который намечает М. Гродзинский, иной: кодекс должен быть составлен так, чтобы каждый шаг производящего расследование и судьи находили в нем точную регламентацию. Кроме того, что этого невозможно добиться и в тысячестатейном кодексе, нам это совершенно и не нужно.

Переходим к замечаниям по отдельным главам и статьям проекта. Т. Ермолаевский (Старая Русса) считает, что:

«примечание к ст. 2 проекта, предоставляющее органам расследования право не возбуждать уголовное преследование при наличии обстоятельств, указанных в примечании к ст. 6 и ст. 8 УК, следует исключить из проекта, т. к. столь широкие права могут повести лишь к волоките в виду неодинакового понимания степени важности преступления и вредности последствий».

Практика показывает, однако, что высказываемые опасения вряд ли могут быть признаны в какой-либо степени основательными. Мы имеем слишком высокий процент дутых дел, слишком много никому ненужных тасканий граждан по допросам и судам. И проводимое новшество ценно именно тем, что оно способно будет дать хотя бы некоторое облегчение в данном отношении. Устранение возможных перегибов и неправильностей—вопрос надлежащего руководства работой органов расследования.

Т.т. Хлебников и Виноградов (Тверск. губ.) признают неправильным отнесение к делам

частного обвинения дел о краже (п. «а» ст. 162), указывая на то, что это поведет к понижению борьбы с этого рода преступлениями, к безнаказанности их совершающих и, как следствие этого, к их развитию. Распространяя это возражение и на дела о присвоении (ст. 168), М. Гродзинский ссылается на то, что эти дела «резко отличаются от всех других дел частного обвинения и не содержат в себе тех моментов, какие позволяют законодателю, в изъятие из общего порядка вещей, ставить возбуждение и дальнейшее движение дела в зависимость от воли потерпевшего».

Мы исходим из обратного: как раз в этих делах нет тех моментов, какие требовали бы в интересах защиты общества и государства обязательного, и даже против желания потерпевшего, вмешательства государства. И поскольку потерпевший при желании может найти судебную защиту, поскольку любое, выдающееся из ряда такого рода дело может быть начато даже без жалобы потерпевшего, подобные высказываемым опасения не убеждают в неправомерности линии, взятой в этом отношении проектом.

Т. Ермолаевский считает, что упрощение процесса требует установления единого срока на подачу всех вообще (в том числе и кассационных) жалоб и что срок этот должен быть двухнедельным. Упрощение в этом—сомнительное, сводящееся только к большей легкости усвоения срока, возможность же затяжки процесса вне сомнений. И если проект даже для кассационного обжалования при известных условиях устанавливает недельный срок, исходя из того, что для принятия решения об обжаловании и его оформления более долгий срок не нужен, то тем менее оснований для продления срока по остальным жалобам.

М. Гродзинский находит, что вводимый проектом порядок составления обвинительных заключений всеми без исключения органами расследования и по всем делам чрезвычайно усложнит работу органов расследования и что правильнее допустить для наиболее мелких дел составление краткого постановления.

Нам кажется, что выделение органов дознания (а замечание относится, конечно, к делам, ими расследуемым) в данном отношении надобности не имеет. Ст. 91 проекта, определяющая содержание обвинительного заключения, перечисляет в большинстве таких вопросы, ответ на которые должен быть даже в самом кратком постановлении. Статья подчеркивает необходимость краткости заключения в тех его частях, где возможно ненужное разглагольствование. И уже дело инструктажа добиться максимального сокращения заключения и, особенно, по мелким делам. Двух форм этого заключительного документа устанавливать не надо, а гораздо полезнее добиться усвоения и органами дознания той единой формы, которая признается более совершенной и правильное выполнение которой облегчит работу суда, ускорит процесс.

Т. Виноградов не видит оснований для того ограничения органов дознания, согласно которому (ст. 62) они все дела с возможным лишением свободы должны направлять следователю, тогда как по действующему кодексу в этом порядке идут только дела с возможным лишением свободы на сроки более года. Отмеченное т. Виноградовым ограничение представляется кажущимся. Ведь, новый УПК пишется не на один год и проект учитывает все изменения карательной политики, которые уже намечены и проведутся.

Известна же линия на отказ от краткосрочного (менее года) лишения свободы, что, конечно, в недалеком будущем должно будет найти выражение и в УК. Следовательно, говоря о делах с лишением свободы, проект не имеет в виду тех мелких дел, по которым нынешний УК допускает применение кратких сроков (до года), и, следовательно, никаких ограничений в отношении органов дознания не вводит.

Тов. Тонких (Почеп) отмечает неполноту ст. 85 проекта, которая, по его мнению, должна содержать в себе указание порядка отвода судьи при единоличном разборе дела. Нам кажется, что определяя порядок отвода, заявленного против всего состава суда, статья дает решение и для того случая, который у автора вызывает сомнение.

Тов. Ермолаевский не соглашается с тем, чтобы в качестве обвинителя возможно было участие следователя, ведшего расследование (ст. 86 проекта).

«Следователь, производивший расследование, не в состоянии быть совершенно объективным, у него уже сложилось определенное мнение о виновности подсудимого, иначе он не направил бы дело для предания обвиняемого суду. Присутствие следователя будет стеснять подсудимого и свидетелей в тех частях показаний, которые не будут совпадать с показаниями на предварительном следствии».

Оба соображения, конечно, ни в какой мере не убедительны. Если отводить следователя потому, что он направил дело для предания обвиняемого суду, то, конечно, надо отвести и прокурора предавшего суду или по действующему кодексу утвердившего обвинительное заключение. Нельзя согласиться и с тем, что присутствие следователя как-то особенно будет стеснять подсудимого и свидетелей. Ведь не один следователь знает их показания на предварительном следствии и, следовательно, имеет возможность уличить в противоречивости показаний.

Тов. Микуня (Минск) и М. Гродзинский отмечают пробел, относящийся к ст. 89. Ни в ней, ни в другом месте не указывает проект на право прокурора поддерживать гражданский иск. Поскольку это право было определено действующим кодексом (ст. 54) и поскольку умолчание о нем нового кодекса может быть истолковано как недопущение прокурора к поддержанию иска, что, конечно, ни в какой степени не может быть признано правильным, проект должен быть соответственно дополнен.

По вопросу об упразднении распорядительных заседаний т. Кудрявцев (Тверь) считает, что весь вопрос свелся к смене одной вывески на другую без внесения чего-либо существенно нового в смысле упрощения порядка подготовки дела к судебному заседанию. Т. Кудрявцев, как и вообще все возражающие против данного новшества, вернее, его невидящие, допускают одну ошибку в своих рассуждениях: они исходят из того, что по каждому делу суд будет расходиться с преданием суду и что подготовительное заседание будет столь же постоянным учреждением, как и распорядительное. Данные практики, говорящие о том, что распорядительные заседания в совершенно незначительном проценте дела расходятся с утвержденными прокурором обвинительными заключениями, позволяют уверенно сказать, что высказываемые

сомнения в реальности данного новшества практикой работы подготовительных заседаний не подтверждаются.

Превращение в отдельных местах подготовительных заседаний фактически в распорядительные будет свидетельствовать не о том, что распорядилки нужны, а о том, что в данном месте есть какие-то неблагоприятия в прокурорском, либо судебском составе.

Вводимый проектом новый порядок начала судебного следствия (ст. 114) встречает возражения в статьях т. Ермолаевского и проф. Гродзинского. Оба они считают, что доклад дела обвинителем будет совершенно лишен той объективности, которая требуется для того, чтобы этот доклад являлся правильной информацией по делу народных заседателей.

«Доклад обвинителя, вводимый ст. 114, не вносит в дело ничего нового и, в лучшем случае, будет представлять собой пересказ «своими словами» обвинительного заключения, а в худшем—сведется к одностороннему освещению обстоятельств дела... вызовет возражения подсудимого и защиты и, следовательно, неизбежно усложнит судебную процедуру»,—пишет Гродзинский.

Предпочтительность пересказа обвинительного заключения перед монотонным его оглашением, кроме М. Гродзинского, не отрицалась никем из высказывавшихся против нового порядка. Из названных выше авторов т. Ермолаевский прямо признает, что доклад дела—лучше, но что он должен делаться председателем. Мы же считаем, что для дела полезнее, если доклад будет делаться тем, кто лучше знает дело,—прокурором. И если взять даже тот «худший случай», который рисуется проф. Гродзинскому, то и в нем мы находим преимущества нового порядка. В докладе, как говорит проект, «определяются вопросы, подлежащие исследованию суда». И так как в определении этих вопросов участвует и обвиняемый или его защитник, то перед судом сразу же совершенно вынукло обрисовываются те наиболее спорные места дела, на которых и должно быть сосредоточено внимание суда на протяжении всего судебного следствия.

Т. Палютин (Уральская область) считает необходимым внести ясность в ст. 113 проекта, которой соответствует ст. 282 действующего кодекса, как утверждает автор, вызывающая на практике разногласия. Статья предоставляет суду право, при признании подсудимого предъявленного обвинения, не производить судебного следствия. Так как она не говорит ничего, что совершенно понятно, о том, как быть в этом случае с вызванными свидетелями, то, пишет т. Палютин, некоторые судьи считают обязательным допрос свидетелей. Конечно, в этом случае мы имеем дело не с неясностью закона, а с простым его непониманием, почему и ст. 133 ни в каком дополнении не нуждается.

Находя неудачной формулировку ст. 139 проекта, допускающей, как правило, необязательность мотивировки приговоров, М. Гродзинский указывает, что исключение из этого правила определено совершенно неясными терминами «сложность» и «противоречивость» доказательств. Он считает, что противоречивость доказательств имеется в любом деле. Поэтому данная редакция статьи приведет к тому, что немотивированными приговоры будут лишь в исключительных случаях, и лучше уж прямо сказать об обязательности мотивировки.

Здесь в рассуждениях автора мы усматриваем сознательное непонимание текста статьи, для вывода о необходимости, будто бы последовательного, изменения ее содержания в совершенно противоположном смысле: в установлении необязательности мотивировки как исключения. Мы не склонны утверждать, что термины статьи вполне определены и должны соизнаться, что более точное определение случаев обязательной мотивировки представляется крайне трудным, если не совсем невозможным. Но мы обращаем внимание на то, что проект требует обязательности мотивировки в случаях «сложности и противоречивости доказательств», т.е. что одна только противоречивость их никакого значения в данном отношении не имеет. В этой подмене союза «и» союзом «или» и кроется нам кажущаяся сознательной ошибка в рассуждениях автора.

Т. Ермолаевский признает неправильным предоставление ст. 145 проекта права суду рассматривать вопрос о целесообразности помещения в лечебное заведение больного обвиняемого, если совершение им преступления не доказано. Такое возражение кажется нам странным. Ведь, суд не обязан помещать больного в лечебное заведение. Он только может признать это целесообразным. Но разве трудно представить вполне конкретный случай, когда суд должен будет поставить перед собой, а следовательно, и решить такой вопрос, учитывая то, что неизолированный данный больной может немедленно же по освобождении из суда совершить то или иное общественно-опасное действие.

Возражая против установленного ст. 151 проекта недопущения обжалования по некоторой категории приговоров, т. Ермолаевский и проф. Гродзинский указывают на то, что не мера социальной защиты, в зависимость от которой ставится данное ограничение, играет главную роль при обжаловании, что центр тяжести кассационно-ревизионного производства лежит в проверке всего дела. М. Гродзинский считает, что данное новшество не даст ожидаемых от него результатов, ибо взамен кассационных жалоб разовьются жалобы в порядке надзора.

После ноябрьского совещания мы имеем значительно измененную редакцию ст. 151. Меры социальной защиты, при назначении которых обжалование не допускается, приравнены к тем, которые могут быть назначены в административном порядке по делам о нарушении обязательных постановлений. Правда, административное производство допускает обжалование. Но зато судебное разбирательство дает обвиняемому несравненно большие гарантии правильности решения дела, даже если разбор производится присудей единолично. Остается вопрос о таком серьезном последствии обвинительного приговора, как судимость. Но решение этого вопроса в смысле отказа от признания судимости по наиболее мелким делам, как нам известно, не встречает возражений.

М. Гродзинский находит, что

«система, принимаемая проектом в ст. 154, приводит к тому, что упраздняются обязательные кассационные основания отмены приговора и тем самым делаются возможными самые резкие и грубые нарушения основных правил процесса».

Данный вопрос, конечно, относится к категории наиболее принципиальных. И то разрешение его, которое дается проектом, отказывающимся от защиты формы

во что бы то ни стало, есть решение, диктуемое духом нашего права. Пусть приговор вынесен с грубыми формальными нарушениями. Но если он ни в ком не возбуждает сомнений в правильности по существу, если совершенно ясно, что в случае пересмотра мы будем иметь его полное воспроизведение, то кто же и ради чего будет настаивать на отмене приговора?

Ст. 257 проекта встречает возражения двоякого рода. Одни (т. Ермолаевский, М. Гродзинский) считают неприемлемым проводимое ею новшество, по которому кассационная инстанция в праве будет повышать наказание и которое «вводит апелляцию официально и открыто», вопреки «всей основной установке советского уголовного процесса». Другие (т. Кудрявцев), допуская возможность повышения наказания, находят ненужным, способным увеличить болокиту, вызов на разбор дела обвиняемых и свидетелей. Таким образом, и в отдельных отзывах по проекту подтверждается то расхождение по данному вопросу, которое намечилось еще в составлявшей проект комиссии и которое, надо думать, будет предметом специального обсуждения на съезде. Вопрос осложняется тем, что помимо сомнений принципиальных, здесь возникают сомнения и чисто-практического свойства.

Т. Воловицкий (Саратов) ставит вопрос о проблеме, имеющейся в ст. 166 проекта. Согласно ей приговор считается вступившим в силу во всех без исключения случаях по истечении срока на обжалование с момента объявления приговора осужденному, если приговор не обжалован. Т. Воловицкий справедливо указывает, что это правило неприменимо к случаям, когда заочно осужденный скрывается и считает, что вступление приговора в силу в этих случаях должно относиться к моменту истечения кассационного срока. Этот пробел должен быть восполнен, хотя бы в целях создания возможности осуществления приговора в части гражданского иска.

А. И.

Контракция продуктов сельского хозяйства.

Характеризуя метод контракции, как новую форму смычки рабочего класса и основных масс крестьянства, тов. Сталин в своей речи на ноябрьском пленуме ЦК ВКП (б) указал, что об этом методе у нас уже говорилось достаточно, и ограничился, поэтому, краткой, но четкой и определенной формулировкой политического значения его: «Массовая контракция облегчает дело объединения усилий индивидуальных крестьянских хозяйств, вносит элемент постоянства во взаимоотношения между государством и крестьянством и укрепляет, таким образом, смычку между городом и деревней». Необходимо сказать, что по этому вопросу не только говорилось, но и писалось не мало. После разработки на страницах общей и специальной печати должны считаться достаточно освещенными различные стороны контракции: общеэкономическая, сельско-хозяйственная, финансовая, организационная и, в особенности, политическая. Только одна сторона контракции, как метода хозяйствования советского государства,—правовая сторона—до настоящего времени вовсе оставалась в тени.

Наша юридическая печать этим вопросом как будто вовсе не интересовалась.

Ненормальность такого положения очевидна. Резолюция ноябрьского пленума ЦК подчеркивает «особую и значительную роль нового метода смычки с деревенской экономикой и воздействия на нее» в ряду мероприятий, имеющих обеспечить выполнение директивы о расширении в наступившем году посевных площадей на 7 проц. и о повышении урожайности на 3 проц. Исполнение этой задачи во многом зависит от того, насколько ясно и четко обозначены взаимоотношения сторон в договоре контрактации, с какой полнотой обеспечены интересы государства и его контрагента—маломощного и середняцкого крестьянства, насколько в этих договорных взаимоотношениях отражается не только их назначение, как «средства усиления наших ресурсов по линии товарного хлеба», но и основная и первостепенная задача — поднятие крестьянского хозяйства на высшую ступень на пути к коллективизации. Необходимо также рассмотреть, насколько действующая система контрактационных договоров удовлетворительно обеспечивает возможность быстрого и безболезненного разрешения судебными органами возникших споров по их исполнению или неисполнению.

Задача настоящей статьи—восполнить существующий пробел в нашей юридической печати, без прикрас, однако, ни на полноту ни на всестороннее освещение вопроса.

Контрактация продуктов сельского хозяйства—не новое явление экономики. Она была известна и в довоенное время. Однако, цели и задачи контрактации в то время были сугубо отличны от современных. Она практиковалась в самой простой и в то же время самой невыгодной для производителя форме—скупки урожая на корню. Большое распространение она получила в хлопководстве и в свеклосеянии. Выдавая определенный аванс под будущий урожай, текстильная фабрика и сахарный завод были заинтересованы лишь в получении определенного количества продукции к назначенному сроку. Ни о поднятии урожайности контрактующего хозяйства, ни о принятии каких-либо агротехнических мер для этого, ни тем более о повышении благосостояния своих контрагентов—единоличных крестьянских хозяйств, капиталистическое предприятие не заботилось. Если же в силу тех или иных причин договор оказывался невыполненным со стороны крестьянского хозяйства, то выданная ссуда взыскивалась со всей неумолимой строгостью царского правосудия. Если к изложенному добавить, что о кооперировании крестьянских хозяйств—хлопководов и свеклосеянов не могло быть и речи, что в отношениях между заводом и производителем сырья большую роль играл обязательный посредник кулацкого типа, в пользу которого поступала значительная часть доходов от контрактации, то необходимо прийти к заключению, что договоры этого рода были исключительно кабальными, что их условия диктовались наиболее мощной стороной—скупщиком урожая, что крестьянство в массе своей никаких выгод от них не имело.

Это обстоятельство—кабальность по преимуществу первоначальной формы контрактации—обусловило в наше время осторожное отношение кооперативных организаций к применению контрактации, как дого-

вора о предоставлении урожая на известных условиях. При этом забывалась принципиально различная обстановка заключения и исполнения договора о контрактации в довоенное и в настоящее время. Государство, отпускающее большие суммы на поддержание и развитие сельского хозяйства, организующее специальные фонды для выдачи ссуд бедняцким хозяйствам, стремящееся постепенно вовлекать в кооперацию все большие массы крестьянства, вступает в лице своих хозорганов в договорные отношения с крестьянскими хозяйствами лишь на условиях, выгодных для последних. И крестьянин-единоличник лишь редко является непосредственно договаривающейся стороной. Представительство его интересов осуществляется сельско-хозяйственной кооперацией, которая, в свою очередь, благодаря контрактации, получает все большее развитие и внедряется в самую гущу крестьянства. Уже XV Съезд ВКП (б) констатировал, что «эта форма может и должна служить в дальнейшем одним из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства в подлинном смысле этого слова, т. е. добровольного объединения мелких производителей, связанных через кооперацию с социалистической промышленностью». Вот почему Съезд предложил «оказывать всемерную поддержку развитию практики договорных отношений (контрактации и т. п.) между кооперированным крестьянством и госорганами, устанавливающих непосредственную смычку между крестьянским хозяйством и соответствующими отраслями социализированной промышленности (сахарная промышленность, текстильная и др.) и облегчающих государственно-плановое регулирование сельского хозяйства соответствующих районов и областей».

Эта ясная и определенная директива Партийного Съезда оказалась решающей в судьбе контрактации. Начавшись в советских условиях первоначально в тех отраслях, которым она была известна и в довоенное время (хлопководство и свеклосеяние) и распространившись постепенно и на другие отрасли сырьевых заготовок, контрактация успела уже в некоторых из них занять исключительное положение. Так, план 1928 г. предусматривал охват контрактацией 100 проц. площади посева сахарной свеклы, хлопка, кенафа и клеверины. Однако, в отношении льна этот процент понижался уже до 17, картофеля—до 3, кукурузы—до 2 и ячменя даже до 1 проц. Задача контрактации мыслилась тогда, как способствовать развитию сырьевой базы промышленности и улучшению снабжения ее сырьем. После решений Съезда контрактация начала рассматриваться, как средство реконструкции сельского хозяйства, поднятия его на высшую агрикультурную ступень и обобществления на основе повышенной технической базы.

Изменились и предполагаемые темпы развития контрактации. По перспективному плану реконструкции сельского хозяйства на пятилетие число контрактующих хозяйств предполагалось повысить с 3 млн. в 1927/28 г. до 8 млн. в 1931/32 г., а площадь посева с 3,2 млн. гектар. до 10 млн. В конце пятилетия предполагалось законтрактовать всего свыше 3 млн. хозяйств (3½ млн. гектара) под зерновые культуры. Прошло всего полгода и постановлением СНК СССР от 21 июля признается необходимым проведение контрактации озимых посевов чистосортного и рядового зерна на площади 5 млн. гектаров. А опубликованное

на днях постановление СТО от 14 декабря 1928 г. устанавливает контрольные цифры по контрактации на 1928/29 г. одних яровых зерновых культур — 5 млн. гектаров, особо семенных сортовых посевов — 1.014.000 гектаров, растительного сырья — 4,9 млн. гектаров, животноводческого сырья на 57 млн. р. и картофеля и других овощей на 30 млн. р. На финансирование этой операции отпускается 300 млн. р.

Одновременно с таким мощным развитием контрактации существенно меняется ее характер: из первоначальной торговой сделки скупки урожая на корню, из сделки кредитного характера, она превращается в производственную контрактацию, когда на первый план выступает в договорных взаимоотношениях основная цель — производственная реконструкция хозяйства. Только этот вид контрактации, связанный с кооперированием населения, содействует достижению задачи коллективизации крестьянского хозяйства.

С правовой стороны система контрактации регулируется законодательными и ведомственными актами, а также генеральными соглашениями государственных заготовителей с соответствующими центрами сельско-хозяйственной кооперации, через которую по закону 14 декабря контрактация проводится. Отдельные договоры на их основе заключаются между низовыми кооперативными организациями и непосредственными производителями (земельными обществами, производственными объединениями, группами посевщиков и отдельными посевщиками). Допускается заключение договоров и между заводами и посевщиками сырья. Содержание этих договоров в основных чертах определяется инструкциями Наркомторга и им же утверждаемыми типовыми договорами. Для различных культур утверждены различные типовые договоры, отличающиеся иногда весьма существенно в некоторых подробностях.

Проведение контрактации возлагается Наркомторгом СССР либо непосредственно на систему сельско-хозяйственной кооперации (напр., контрактация посевов зерновых культур), либо на определенный хозяйственный орган по соответствующей отрасли промышленности или торговли, который, в свою очередь, проводит ее через ту же систему (напр., Льногосторг и Льноцентр). Для нас значительный правовой интерес представляют не столько взаимоотношения госорганов и кооперации, поскольку содержание заключаемых ими генеральных соглашений предопределяется директивами Наркомторга и регулирует отношения внутри социалистического сектора народного хозяйства. Этот интерес возбуждается в большей степени договорами между кооперацией и производителем-посевщиком, регулирующими отношения двух секторов народного хозяйства — социалистического и распыленного частного в направлении все большего привлечения последнего в русло социалистического строительства.

Сторонами в этих договорах являются: с одной стороны — низовая кооперативная организация (кооперативное хлебное объединение, т-во табаководов, льноводов и т. д., сельско-хозяйственное кредитное т-во), а с другой — коллективный либо индивидуальный посевщик (целое земельное о-во, производственное объединение, отдельный крестьянин). Последние могут быть как членами, так и не-членами кооперативной организации. Закон 21 июля 1928 г. предусматривал заключение договоров на контрактацию посевов исклю-

чительно с коллективами, но не с индивидуальными посевщиками. В соответствии с этим и типовой договор, утвержденный Наркомторгом, фиксирует в качестве стороны-посевщика посевное т-во, машинное т-во, артель, коммуны и проч. Однако, постановление СТО от 14 декабря допускает заключение контрактов с индивидуальными хозяйствами, которые действительно в состоянии дать обусловленную договором товарную продукцию. В отношении технических культур (табак, махорка, лен и т. п.) фигура индивидуального контрагента является преобладающей, независимо от того, входит ли он в состав соответствующей кооперативной организации. В контрактации этих культур до настоящего времени преобладали цели укрепления и расширения сырьевой базы различных отраслей промышленности над задачами реконструкции хозяйства. В соответствии с этим в некоторых видах контрактации договоры заменялись даже обязательствами посевщиков. В связи с законом 14 декабря, предусматривающим исключительно договорную форму, единственной формой регулирования отношений сторон в контрактации остается письменный договор (контракт).

Обязанности посевщика по договору контрактации сводятся, прежде всего, к засеву определенной в договоре площади культурной, в нем указанной, и к проведение агрономических мероприятий, устанавливаемых местными земельными органами по согласованию с сельско-хозяйственной кооперацией и организациями, для которых проводится контрактация. Перечень простейших мероприятий приводится в типовом договоре на контрактацию зерновых культур: зяблевая вспашка, отсортировка и протравление семян, надлежащий уход за посевами и борьба с сорняками и т. п. При проведении контрактации на посев чистосортных семян размер агромероприятий значительно увеличен. Во избежание смешения чистосортных семян с другими семенами посев должен быть произведен сплошным массивом и на определенном расстоянии от соседних посевов данной культуры других сортов. Подготовка пашни должна быть произведена культурными способами, семена должны быть отсортированы на сортировке и пропущены через триер, межинки должны быть уничтожены. Кроме того, посевщик обязан пригласить агронома для осмотра на корню состояния сортовых посевов и составления акта осмотра. В случае обнаружения агрономами засоренных посевов, производится скашивание засоренных полос. Уборка сортового посева производится также во избежание засорения от других посевов. Такие же приемы, гарантирующие сохранение сортовой чистоты, применяются при молотье хлеба и при его хранении.

Перечисленные условия включаются в договоры с отдельными производителями на основании генерального соглашения «Хлебоцентра» с Отделом Семениводства Наркомзема, проводящим контрактацию чистосортных посевов по специальному поручению Правительства.

Осенью, в течение двухмесячного срока после уборки урожая, посевщик обязан сдать определенное в договоре количество зерна. Стоимость сдаваемого зерна определяется в договоре в процентном отношении к сумме выданных при контрактации авансов. Стоимость эта должна быть не меньше 200% аванса. Такое положение введено уже постановлением 21 июля 1928 г. Ранее процентное отношение определялось в

150 и менее проц., а в некоторых случаях посевщик обязан был сдать зерно на сумму аванса, обязуясь также продать своему контрагенту излишек урожая по конвенционным ценам. Впрочем, в отношении табака установлена обязанность сдать весь урожай, а в отношении льносемян указано в договоре определенное количество, обуславливаемое при заключении договора.

Цена сдаваемого урожая определяется ценой, существующей на время сдачи. Однако, она не должна быть ниже той цены, которая установлена в момент заключения договора. Кроме того, установлены особые надбавки или доплаты за срочность (сдачу ранее установленного срока), за партионность (сдачу зерна крупными партиями) и доплаты элеваторная и мельничная, т. е. за доставку на принадлежащий заготовителю элеватор или мельницу.

Размер аванса устанавливается инструкциями различно для разных культур. Так, для подсолнуха аванс составляет 7 руб. 32 к. на гектар, для кукурузы — столько же, для ячменя и бобов — 13 р. 72 коп. и т. д., при чем закон устанавливает дифференциацию аванса в зависимости от имущественного положения различных групп посевщиков с наибольшим благоприятствованием бедноте.

Аванс выдается в различных формах: деньгами, либо натурой (преимущественно семенами), либо тем и другим.

Аванс должен быть расходован исключительно по назначению; вследствие возможных случаев нарушения этого обязательства, аванс выдается преимущественно в натуральной форме, главным образом, семенами и минеральными удобрениями. Этим достигается также лучшее качество посевов.

Контрактующие организации, помимо выдачи аванса и уплаты за поставленное зерно, обязуются также оказывать посевщику агрономическую помощь на условиях, определяемых договором. Вместе с тем, посевщик снабжается также сельско-хозяйственными машинами и орудиями и средствами производства. Бесплатность аванса не предполагается: в отношении зерновых культур установлено взимание 6% за пользование авансом. В технических культурах (пшп., табаке) размер процента повышается до 8. Во время действия договора контрактующая организация имеет право контролировать действия посевщика, как по засеву, так и по уходу за законтрактованной площадью. Если бы оказалось, что та или иная работа посевщиком не выполнена, контрактующая организация имеет право произвести ее за счет посевщика, удержав ее стоимость при окончательном расчете за поставленный урожай.

Последствия несоблюдения договора посевщиком установлены типовым договором в виде неустойки. Она взимается за недосев из определенного расчета за каждый недосеянный гектар, за просрочку же сдачи зерна, сверх льготного семидневного срока, неустойка взимается за каждый просроченный день. Во избежание накопления неустойечных сумм, они могут быть взимаемы за срок не более, чем за полтора месяца по истечении срока сдачи. Как и в обще-гражданских договорах, уплата неустойки не освобождает посевщика от выполнения договора. Кроме того, в случае недосева он обязуется возвратить соответствующую часть аванса.

Последствия несоблюдения договора контрактующей организацией в отношении зерновых культур не определяются вовсе типовым договором. Между тем, в типовых договорах на контрактацию табаку указана также ответственность контрактующей организации — товарищества табакоседелов за нарушение ее обязанности финансировать контрактацию: за просрочку выдачи аванса, за выдачу неполного аванса и за нарушение сроков производства расчетов.

Из остальных отношений сторон, вытекающих из договора контрактации, заслуживают особого упоминания освобождение посевщика от исполнения договора при наличии удостоверенного сельсоветом стихийного бедствия, результатом которого явилась гибель урожая, а также обязательность страхования посева за счет посевщика по типовым договорам на контрактацию технических культур (табаку и проч.). В отношении зерновых культур такая обязанность типовым договором не предусматривается, но в некоторых районах Союза она проводится, и с известным успехом.

Таковы основные моменты контрактации, как договора, согласно которому сельский производитель обязуется обсеменить известной культурой определенную земельную площадь и сдать продукцию государству по определенной цене, получая за это подкрепление — аванс для нужд производства. В этом определении является особенностью современной контрактации, резко отличающей ее от контрактации прежнего времени: основное обязательство посевщика состоит, прежде всего, в производстве посева, производное же обязательство — сдача урожая. Между тем, при системе скупки урожая на корню или так наз. торговой контрактации обязанность посевщика сводится лишь к поставке определенного количества урожая. Таким образом, новейшая контрактация, развиваясь, главным образом, в течение двух последних лет, является контрактацией производственной. Цель государства, проводящего через свои органы контрактацию зерновых и технических культур, — производственная, а не торговая, производство сельским хозяйством определенных культур определенного же качества и последующее приобретение этой культуры для государственных нужд, а не только само приобретение готовой культуры у производителя. В соответствии с этим изменившимся характером контрактации и находятся те многочисленные, производственные и агротехнические обязанности, которые возлагаются типовыми договорами на контрактующие организации.

Какие же элементы известных нам договорных отношений имеются в договоре контрактации, под какой из установленных Гражданским Кодексом видов договоров может быть подведена эта, ранее неизвестная форма договорного соглашения? Если сделку скупки урожая на корню или торговую контрактацию можно признать особым видом поставки (купля-продажа), осложненным при наличии процентного авансирования также элементами договора займа, то контрактация в новой ее производственно-кредитной форме должна быть признана договором особого вида (*suī generis*), включающим в себе элементы договора займа, договора поставки и договора о выполнении производственно-технических услуг.

Необходимо заметить, что в целях устойчивости отношений, возникающих из договора контрактации, а также возбуждения особой заинтересованности в

нем крестьянского населения законодательство допускает заключение долгосрочных контрактов с производственными объединениями и целыми селениями. Эти контракты должны быть направлены к планомерному преобразованию зернового хозяйства с постепенным обобществлением производства, в соответствии с планами развития сельского хозяйства данного района. Таким образом, и в данном случае контрактация увязывается с общим планированием сельского хозяйства, придавая ей элементы публично-правового хозяйственного регулирования.

Эти договоры должны проводиться лишь в виде опыта в отношении тех культур, районов и производственных объединений, которые в агротехническом и производственном отношении к этому подготовлены. Вообще же контрактация должна проводиться преимущественно в основных районах товарной продукции соответствующих продуктов сельского хозяйства.

Контрактация продуктов сельского хозяйства в современном значении — явление сравнительно новое в советской экономике. Однако, ее применение уже показало некоторые недостатки, которые вскрыты с беспристрастностью самокритики постановлением СТО от 14 декабря и должны быть во всяком случае устранены. Обнаруженные недочеты состоят, прежде всего, в недостаточно тщательном выборе хозяйств, с которыми заключаются договоры, в смысле обеспечения сдачи ими обусловленной товарной продукции, в недостаточном привлечении посевщиков к предварительному обсуждению договоров и планов контрактации, в такой же недостаточности мероприятий агротехнического характера, и т. д. Так как на местах, помимо контрактации, проводимой по общегосударственному плану, проводилась также контрактация внепланового характера, при чем контрактующими организациями являлись и центральные и местные сов- и хозорганы, вплоть до сельсоветов и крестпомов, то недостаточная тщательность в выборе посевщиков не могла не оказать своего влияния на исполнение договоров. По имеющимся данным, в некоторых, сравнительно редких, случаях договоры не выполнялись, и обусловленная продукция не поставлялась.

Для борьбы с указанным явлением, результатом которого может быть значительный ущерб делу контрактации, постановлением СНК РСФСР от 15 ноября освобождены от нотариального сбора исполнительные надписи нотариальных контор и других, выполняющих нотариальные функции, органов по взысканию учреждениями сельско-хозяйственного кредита ссуд по договорам контрактации посевов и скупки посевов на корню. Таким образом, законодательство из различных, входящих в состав понятия контрактации, элементов выделило особо элемент договора займа или ссуды, предоставив учреждениям сельско-хозяйственного кредита право взыскания их в беспорядке через органы нотариата наравне со взысканием ссуд по кредитованию сельского хозяйства.

Само собою понятно, что такой метод взыскания возможен лишь в отношении индивидуальных посевщиков, которым выданы ссуды в определенном размере и которыми приняты обязательства строго определенного характера и притом в установленной форме (ц. НКЮ № 68—28 г.). Взыскание ссуд, выданных группам и объединениям посевщиков, представляет больше затруднений в смысле беспорядочности взыскания, ее упрощенности и срочности. Однако, в данном

случае обеспечением исполнения договора является растущее кооперирование крестьянства, рост общественной активности и сознание долга в отношении социалистического государства, снабжающего крестьянские коллективы всем необходимым для расширения посевов, поднятия урожайности и т. п.

М. Брагинский.

«О»

Договоры взаимной обработки земли (договоры супруги).

Выдвинутые XV Партсъездом задачи наступления на кулака, наступления на базе революционной законности и необходимости направления всей политики советского государства к тому, чтобы «поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни и в зависимости от условий по разному ограничивать эксплуататорские стремления сельско-хозяйственной буржуазии» — ставят перед каждым судебным работником задачу внимательного и критического отношения к своей судебной деятельности и проверки соответствия ее с требованиями момента и основами политики советской власти в текущий период. Особое значение в этих условиях приобретает правильность установки при разрешении гражданских дел и в особенности договорных, с их формальным равенством сторон и эквивалентностью предложений, за которыми часто скрываются в действительности самые грубые и неприкрытые формы эксплуатации. Изучение этих форм не только для определения их юридической природы, но и для чисто практических целей борьбы с легальными и нелегальными методами эксплуатации, настоятельно диктуется требованиями жизни. К сожалению, наша юридическая литература, запятая преимущественно вопросами, связанными с торговым оборотом и плановым регулированием хозяйства, не уделяла до сих пор достаточно внимания своеобразным институтам «деревенского» права. Правовые формы, в которые кристаллизуются социально-хозяйственные отношения современной деревни, за немногими исключениями, оставались вне поля зрения юристов. Между тем, действующий ГК далеко не охватывает всего круга сделок, заключаемых в гражданском обороте.

Рассчитанный преимущественно на торговый оборот ГК оставляет без регламентации целый ряд чисто бытовых договоров, встречающихся в жизни на каждом шагу. В особенности остро обстоит дело с деревенскими договорами. Эластичные и легко растяжимые нормы ГК открывают здесь широкую возможность для эксплуатации и закабаления бедноты на самых «законных» основаниях. В своих очерках о хозяйственных процессах деревни (ЕСЮ 27 г., № 21 и 22) т. Мокеев вскрыл природу одного из таких договоров — найма пахаря с инвентарем.

Настоящая статья преследует своей целью заострить внимание работников советской юстиции на своеобразном, специфически деревенском договоре взаимопомощи, или, как называют его иначе, — супруге. По договору супруги стороны совместно и на началах взаимности производят или все полевые работы или только часть их. Крестьянин, имеющий самосброску, обязуется выкосить посев другого крестьянина, который в свою очередь берет на себя обязанность обмолотить хлеб первого. В других случаях

стороны соединяются и совместными силами и инвентарем производят запашку и уборку хлеба.

Остановимся прежде всего на юридической природе этого договора. От простого товарищества он отличается тем, что здесь отсутствует совместная деятельность для достижения общей хозяйственной цели. Стороны работают хотя и совместно, но на началах эквивалентности (труд за труд) и преследуют свои индивидуальные цели.

Для простого товарищества характерно также совместное выступление товарищей в гражданском обороте перед третьими лицами. Этот момент отсутствует в договоре супруги. Нельзя подводить этот договор и под подряд, ибо тогда каждую из сторон пришлось бы одновременно рассматривать и как подрядчика и как заказчика. Кроме того, даже беглый просмотр норм ГК о подряде показывает их полную неприменимость к аналогичным случаям. Нельзя квалифицировать взаимоотношение сторон и как трудовой договор. При трудовом договоре нанятый предоставляет свою рабочую силу в распоряжение нанимателя. Распоряжение нанимателя рабочей силой нанявшегося, вытекающее из того, что нанятый применяет свою рабочую силу в чужом хозяйстве и благодаря этому является зависимым от нанимателя, представляет собой по существу важнейший признак трудового отношения. При супруге же момент распоряжения чужой рабочей силой обычно отсутствует.

Далее стороны, если за формой супруги не скрываются в действительности трудовые отношения, часто производят работы своим скотом и сельско-хозяйственным инвентарем.

Рассматривать же взаимоотношения между экономически независимыми хозяйствами, часто середняцкими или даже кулацкими, как трудовые,—это значит рассматривать каждую из сторон одновременно и нанимателем и батраком, т. е., иными словами, безнадежно путать классовую природу как трудового договора, так и супруги.

Являясь по своей юридической природе своеобразным договором обмена услуг, супруга, как регулируемая специально Гражданским Кодексом, должна рассматриваться как договор особого типа, и взаимоотношения сторон должно разрешаться на основании общей части обязательственного и договорного права.

Перейдем теперь к вопросу о социально-экономических предпосылках этого договора.

Просматривая гражданские дела одного из земледельческих округов Сибкрая — Славгородского округа, я столкнулся с довольно интересным фактом, иллюстрирующим классовые отношения в современной деревне. Когда обе стороны являются более или менее одинаковыми по своему хозяйственному положению, напр. середняками, начало эквивалентности проникает их взаимоотношения, труд обменивается на труд, и между сторонами происходит действительно договор взаимопомощи, где каждая из сторон взаимно поддерживает друг друга. Совершенно меняется картина, когда в договоре выступают экономически неравные стороны. Отсутствие скота и инвентаря заставляет бедняка заключать супругу. Бедняк Джуня, обращаясь в суд пишет в своем заявлении: «Весной 1927 г. вынужден был вести с кем-либо супругу для совместной обработки земли, т. к. у меня одна лошадь (д. № 2—162 нарсуда 2 уч. Славгородского окру-

га). Естественно, что экономическая необходимость заставляет бедняка идти часто на кабальные условия, в особенности, если супруга сопровождается еще ссудой зерна. Вот одно из таких дел. Истец-кулак с ранней весны принял в компанию бедняка с условием «пахать каждому из нас столько земли, сколько будет семян». Само собой разумеется, что у кулака семян оказалось гораздо больше, чем у бедняка, и в конечном счете, по словам последнего, он работал совместно с истцом всю весну с своими лошадьми «и было посеяно ему около 25 десятин, а мне не более 5 десятин» (дело № 82—27 г. нарсуда 4 уч. Славгородского округа).

К тому же выводу приводят нас и результаты проведенной летом 1927 г. в Сибири гнездовой с.-х. переписи, обработанные работниками крайкома т.т. Каврайским и Нусиновым¹⁾. По их данным, на каждые 100 дней работы, полученные в результате «взаимопомощи», отдано дней работы: кулаками—87,5%; середняками—95%; бедняками—131,5%.

Таким образом баланс супруги является невыгодным, и даже кабальным, для бедняцких слоев деревни. Очевидно, супруга представляет очень удобную и легкую форму эксплуатации. Усиление за последние годы защиты батрачества заставит несомненно кулаков переходить к более маскированным методам эксплуатации и прежде всего к супруге.

Под формой договора взаимопомощи могут скрываться иногда и чисто трудовые отношения. Нередко кулаки принимают в «компанию» безлошадных бедняков, работающих у них в течение всего сельскохозяйственного года. В этих случаях мы имеем дело с типичными трудовыми договорами, правда, несколько завуалированными, и к ним необходимо применять уже нормы КЗоТ, а не Гражданский Кодекс, ибо решающим в конечном счете является не форма договора, а его социально-экономическое содержание.

Все это показывает, что к делам о супруге нужно подходить с особой осторожностью, решительно пресекая всякие попытки использовать эту примитивную форму сотрудничества для целей эксплуатации.

К сожалению, за формальным равенством договаривающихся контрагентов суды далеко не всегда видят глубокое экономическое неравенство этих сторон, неравенство, создающее для судов необходимость безусловной и всемерной защиты интересов слабой стороны. Средством этой защиты наряду со ст. 33 ГК может послужить все более и более проникающий в нашу судебную практику принцип трудового эквивалента²⁾, ибо по своей сущности обязанности сторон в договоре супруги строятся на принципе труд за труд.

г. Новосибирск.

А. Зейц.

К предстоящему пересмотру Уголовного Кодекса.

В повестке дня предстоящего шестого съезда прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР стоит доклад т. Крыленко об основных принципах пересмотра Уголовного Кодекса РСФСР. Мы

¹⁾ Каврайский и Нусинов.—«Классовое расслоение Сибирской деревни». 1927 г. стр. 49.

²⁾ См. Стучка—«Революция права» 1928 г., № 4.

пока не знаем подробно, в какой плоскости будет стоять этот вопрос, а потому и не имеем возможности высказываться по существу самой постановки этого вопроса, а тем более в той или иной мере выступать с критикой, поэтому содержание нашей статьи преследует скромную цель — послужить, в некотором роде, сырым подсобным материалом, может быть для докладчика, либо для тех товарищей, которые позже будут высказывать печатно или устно свою точку зрения по указанному вопросу.

В нашем распоряжении имеется весьма ценный материал по Московской губернии, который охватывает обстоятельную разработку ряда наиболее характерных преступлений за последние два года. Эти данные, как мы увидим ниже, позволяют сделать некоторые выводы в связи с предстоящим пересмотром Уголовного Кодекса, поэтому на освещении этого материала мы считаем необходимым остановиться более подробно.

Прежде всего остановимся на данных, касающихся губсудовской подсудности.

Обращаясь к общему количеству осужденных, мы видим, что в 1926—1927 году было осуждено губсудом 1941 чел., из которых к высшей мере социальной защиты приговорено 68 чел. (3,5%), к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет—171 чел. (8,8%) на срок от 2 до 5 лет—448 чел. (23%), от одного года до 2 лет—259 чел. (13%), на срок до одного года—620 чел. (20%), условно—298 чел. (15%), и остальное количество — к другим мерам социальной защиты; когда мы обращаемся к 1927—1928 году, то общее количество осужденных составляет 2493 чел., которые по мерам социальной защиты распадаются: к высшей мере приговорено 8 чел. (0,3%), к лишению свободы на срок от 5—10 лет—275 чел. (11%), от 2 до 5 лет—697 чел. (28%), на срок от 1 до 2 лет—456 чел. (18%), до 1 года—684 чел. (27%), условно—198 чел. (8%), и остальное количество к другим мерам социальной защиты. Если бы мы ограничились лишь простым количественным сравнением этих двух лет, то мы кроме резкого снижения (с 68 до 8 чел.) количества приговоренных к высшей мере социальной защиты в 1927/28 г. по сравнению с 1926—1927 г., и некоторого незначительного повышения процента осужденных к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет—ничего особенного не заметили бы, поскольку же основное резкое расхождение в количествах приговоренных к высшей мере социальной защиты между 1926—1927 г. и 1927—1928 г. объясняется весьма просто — амнистией ЦИК СССР к X-летию Октябрьской Революции, которая по ряду преступлений исключила расстрел, то оказалось бы, что все свелось лишь к общему повышению преступности. Но когда мы рассмотрим эти простые арифметические цифры под углом зрения рода преступления, социального положения, пола и возраста осужденных, то картина получится иная.

Возьмем растрату: в 1926—1927 году за растрату было осуждено 108 чел., в 1927—1928 г.—уже 187 чел., — т.е. процент растратчиков повысился на 73%, тогда как общее повышение преступности по делам губсудовской подсудности выразилось в 28 с десятными процента. Берем взятку: в 1927—1927 г. за взятку было осуждено 251 чел., а в 1927—1928 г.—281 чел., правда, здесь процент роста невелик, но все же заметен рост. Обращаясь к убийству, мы видим следующую картину: в 1926—1927 г. за убийство было осуждено

200 чел., а в 1927—1928 г.—325 чел., или рост на 62 процента. Лишь по бандитизму мы имеем заметное падение: так, в 1926—1927 г. было осуждено 387 чел., а в 1927—1928 г.—193 чел., таким образом, падение на 50%.

Теперь посмотрим, кто судится за перечисленные преступления, вообще, и по отдельным родам преступлений, в частности. Из всего количества 1941 чел., осужденных в 1926—1927 г., рабочих—301 ч. (15,5%), которые по родам преступлений распределяются следующим образом: за растрату—3 ч., взятку—4 ч., убийство—44 ч. и бандитизм—62 ч., и остальное количество падает на другие виды преступлений (половые и т. д.); в 1927—1928 г. из числа общего количества осужденных—2493 чел., рабочих—443 чел., из коих осуждены: за растрату—7 чел., взятку—12 чел., убийство—70 чел. и бандитизм—37 чел., как видим, наблюдается небольшой процент повышения числа рабочих по растратам и взяткам, заметный рост по убийству и резкое падение по бандитизму.

Берем категорию служащих. В 1926—1927 г. из общего числа осужденных 1941 чел., служащих было 715 чел., или 36,9% к общему числу осужденных, а в 1927—1928 г. из всего числа осужденных 2493 чел. служащих—1020 чел., или 40,8%; когда же это количество мы распределим по родам преступлений, то картина получается еще более наглядная. Оказывается, что по растратам служащие имеют, можно сказать, монополию, а именно, из числа 108 чел. осужденных за растрату в 1926—1927 г. на долю служащих падает 102 чел. (94,4%), а в 1927—1928 г. из общего числа осужденных 187 растратчиков на долю служащих падает 175 чел. (93,6%), очевидно, что служащие прочно держат монополию растраты как абсолютно, так и относительно. По взяткам служащие, если и не являются монополистами, то, во всяком случае, составляют основной контингент взятчиков, так, например, в 1926—1927 г. из общего числа 251 чел. осужденных за взятку, служащие составляли 148 чел. (59%), а в 1927—1928 г. из общего числа осужденных за взятку 281 чел. на их долю падает 174 чел. (62%). Лишь по убийству и бандитизму служащие занимают четвертое место; по части убийства на первом месте стоят крестьяне, которые составляют около 40 процентов от общего числа осужденных за убийство.

Обращаясь к возрастному цензу осужденных губсудом, получаем следующую картину: в 1926—1927 г. из общего числа осужденных 1941 чел. в возрасте до 18 лет было 119 чел. (6,2%), от 18 до 25 лет—70 чел. (3,6%), свыше 25—до 35 лет—556 чел. (28%), от 35 до 50 лет—461 чел. (23,7%), старше 50 лет всего 105 чел. (5%).

Наконец, несколько сведений о половой принадлежности осужденных губсудом. Из общего числа 1941 чел., осужденных в 1926—1927 году, женщины всего лишь 145 (7,5%), при чем характерно, что за указанный год нет ни одной женщины в числе растратчиков, в числе осужденных за взятку женщины лишь 8 чел. (3%), за бандитизм—23 чел. (6%), и совершенно иная картина по делам об убийстве, — здесь женщины составляют 30 с лишним процентов. Очевидно, достаточно высокий процент по делам об убийстве падает на долю дел о детоубийстве, о карательной политике, по которым мы при подведении итога этой статьи намерены несколько остановиться.

Мы привели данные лишь по делам губсудовской подсудности, которых будет далеко не достаточно, чтобы на основании их можно было сделать хотя бы относительно веские выводы. Поэтому, прежде чем подытоживать эти данные, мы дополним их данными по делам нарсудовской подсудности, ценность которых, помимо прочего, заключается, главным образом, в том, что они дополняют изучение перечисленных выше четырех важнейших преступлений пятью новыми (хулиганство, самогоноварение и шинкарство, частное обвинение, кража и неплатеж алиментов), которые в наших условиях являются наиболее характерными преступлениями. Ради удобства сравнения преступности по самой Москве и ее уездам мы помещаем сведения раздельно:

Всего за 1926—1927 г. нарсудами г. Москвы было осуждено 38544 чел. (из них 6728 женщин), а в 1927—1928 г.—40794 чел. (из них 7269 женщ.). Из этого количества осуждено за растрату в 1926—1927 г. 1065 мужчин и 43 женщины, в 1927—1928 г.—2821 чел. мужчин и 61 женщина; за хулиганство в 1926—1927 г.—2821 чел. мужчин и 170 женщин, и в 1927—1928 г.—4025 мужчин и 252 женщины; за самогоноварение и шинкарство в 1926—1927 г.—541 мужчина и 386 женщин, и в 1927—1928 г.—748 мужчин и 501 женщина; по делам частного обвинения в 1926—1927 г.—5972 мужчин и 4115 женщин, и в 1927—1928 г.—6129 мужчин и 4460 женщин; за неплатеж алиментов, в 1926—1927 г.—331 муж. и 8 женщин, и в 1927—1928 г.—372 муж., и 7 женщин; за кражу: в 1926—1927 г.—6916 мужчин и 862 женщины, и в 1927—1928 г.—7477 мужчин и 878 женщин.

По видам примененные меры социальной защиты распадаются следующим образом: к лишению свободы на срок более года: в 1926—1927 году—389 чел. (1%), в 1927—1928 г.—652 ч. (1,6%); к лишению свободы до 1 года в 1926—1927 г.—770 чел. (2%), в 1927—1928 г.—1187 ч. (3%), на срок до 6 месяцев в 1926—1927 г.—10273 ч. (26%), и в 1927—1928 г.—10940 чел. (26%). Условно осуждены: в 1926—1927 г.—4086 ч. (10%), и в 1927—1928 г.—3276 чел. (8%); к принудработам: в 1926—1927 г.—4125 ч. (10%), и в 1927—1928 г.—7180 ч. (17%), к штрафу: в 1926—1927 г.—18038 ч. (46%) и в 1927—1928 г.—16347 ч. (40%).

По социальному положению: рабочие составляют к общему числу осужденных в 1926—1927 г. по растратам 14,4%, в 1927—1928 г.—то же самое, по хулиганству: в 1926—1927 г.—37% и в 1927—1928 г.—41%, по самогоноварению и шинкарству: в 1926—1927 г.—11% и в 1927—1928 г.—14%; по делам частного обвинения: в 1926—1927 г.—29%, и в 1927—1928 г.—30%; за неплатеж алиментов—18% в 1926—1927 г. и 19%—в 1927—1928 г.; за кражу 17%—в 1926—1927 г. и 19%—в 1927—1928 г. Служащие составляют, в среднем, 16% ко всему количеству осужденных, из коих из общего числа осужденных за растрату они составляли в 1926—1927 г. 69% и в 1927—1928 г.—77%, они же за хулиганство в 1926—1927 г.—13% и в 1927—1928 г.—11%; за самогоноварение и шинкарство: в 1926—1927 г.—8% и в 1927—1928 г.—6%; по делам частного обвинения—17 и 16%, неплатеж алиментов—7 и 8%, и, наконец, кража—5 и 4%. По уездам эти сведения в процентном отношении выглядят так: из общего числа осужденных 27944 чел., за 1926—1927 г., присужденные к штрафу составляют 40% (36% в 1927—1928 г.), к принудработам—12% (18% в 1927—1928 г.),

условно—14% (10% в 1927—1928 г.), к лишению свободы на срок до шести мес.—28% (то же самое и в 1927—1928 г.) свыше шести месяцев до 1 года—более 2%.

По социальному положению рабочие составляют к общему числу осужденных 23%, а по отдельным видам преступлений—по растратам около 8%, по хулиганству—около 30%, по шинкарству и самогоноварению—около 6%, по делам частного обвинения—около 30% (29%), за неплатеж алиментов—10%, и по краже—18%. Служащие составляют 75% общего числа растратчиков, и гораздо меньший процент по остальным преступлениям. При сравнении в процентном отношении количества женщин бросается в глаза интересный процент: к общему числу осужденных женщины составляют по делам губсудовской подсудности 7,5%, по делам нарсудовской подсудности по г. Москве—17,8%, и по уездам—18%, как видим, женщины и здесь, несмотря на то, что они составляют добрую половину населения по части преступности, являются элементом «отсталым». Закончив статистический обзор, попытаемся по возможности из этих сухих цифр сделать кое-какие выводы. Прежде всего, как это видно из приведенных данных, ясно одно, что условное осуждение, принудработы, штраф и другие более легкие меры социальной защиты составляют 70% общего числа осужденных как по городу Москве, так и по уездам, а если к этому добавим 27 процентов, приговоренных к лишению свободы на срок, не превышающий шести месяцев, то окажется, что сказанное тов. Крыленко в докладе на заседании Коллегии НКЮ 24 мая с.г. («Е. С. Ю.» № 23—28 г.) о том, что наши тюрьмы на 45% заполняются краткосрочными из среды трудящихся, будет недалеко от истины, во-первых, и вполне будет обоснованным его курс на замену краткосрочных лишений свободы другими воспитывающими, легкими и целесообразными мерами социальной защиты, во-вторых. Из этих же семидесяти процентов, плюс 27, вытекает подтверждение правильности и другой установки. Мы имеем в виду проводимый Наркомюстом в ряде мест опыт с примир. камерами в сельских местностях и товарищескими судами—в городах. Эти данные говорят, что по делам частного обвинения, которых прошло через нарсуды за 1927—1928 г. по одной лишь Москве 10589 дел, к лишению свободы было приговорено лишь 1% с десятками, 15% приговорены к принудработам и 73%—к штрафу. По уездам почти то же самое, разница в одном-двух процентах, а отсюда следует сделать соответствующий вывод при пересмотре Уголовного Кодекса, держа определенную установку на то, чтобы подобными делами не загромождались нарсуды: нужно предоставить заниматься этими делами, если не исключительно, то на 90%, товарищеским судам и примирительным камерам.

Надо решительно отвергнуть всякий ученый и неученый скептицизм и неверие в способности самих трудящихся разрешать эти в высшей степени бытовые дела. О том, что дела частного обвинения касаются, главным образом, трудящихся, это видно из следующих данных: четыре основные категории: рабочие, служащие, безработные и крестьяне (из общего числа осужденных в 1927—1928 г. по г. Москве (10589 чел.) и уездам (8778 ч.)—19367 чел.) составили 13698 человек.

Переходя к выводам по другим родам преступлений, о них придется держаться иного мнения, чем в отношении дел частного обвинения, а следовательно и иной установки в свете предстоящего пересмотра Уголовного Кодекса.

Обращаясь к делам о растратах, мы, прежде всего, видим, что здесь нам приходится иметь дело, во-первых, на 85% (в среднем) с служащими, во-вторых, с людьми, как принято выражаться, не темными, в-третьих, производящими растраты, как правило, не по нужде, и, в-четвертых, по вредности для нашего аппарата и хозяйства, в целом, преступлением, являющимся наиболее социально-опасным. Поэтому, если по ряду других преступлений, главным образом, бытовым, мы можем и должны идти по линии смягчения мер социальной защиты, то в вопросе о растратах мы не можем и не должны не только говорить о возможности снижения репрессий за эти преступления, но, наоборот, должны при пересмотре Уголовного Кодекса, если не добиваться восстановления расстрела для махровых и крупных растратчиков, имея в виду амнистию ЦИК СССР к 10 годовщине Октябрьской революции (исключающей такую постановку), то, во всяком случае, пойти по линии жестких и устойчивых репрессивных мер, включая сюда и высылку в Нарым и пр. отдаленные места Республики, ибо малейшее послабление в деле растрат грозит нам не только устойчивостью растрат, но и неизбежным их ростом из года в год. Этого рода опасения находят подтверждение в цифрах дел о растратах, прошедших через суды Московской губернии в рассматриваемый нами период. Мы видим, что, если в результате ряда предупредительно-контрольных мероприятий растраты как бы стабилизировались по самой Москве—1108 чел. осужденных в 1926—1927 г. и 1067 чел. в 1927—1928 г., то по уездам наблюдаем заметный рост: 1015 чел., осужденных в 1927—1928 г., по сравнению с 716 чел.— в 1926—1927 г.

Рост осужденных за растрату наблюдается и по делам губсудовской подсудности—187 чел., осужденных за растрату в 1927—1928 г., против 108 чел., осужденных за 1926—1927 г.

Теперь остановимся несколько на взятке. Правда, здесь мы располагаем сведениями лишь по делам губсудовской подсудности, однако, и эти небольшие сведения говорят многое. Прежде всего, количество осужденных за взятку возросло с 1926—1927 г. почти на 12 процентов (251 и 281—в 1927—1928 г.). Хотя это и не такой большой процент, однако, он достаточно показателен. Социальная опасность этого преступления становится еще более очевидной, поскольку взятка на 62% охватывает служащих, следовательно, свила прочное гнездо в нашем государственном аппарате и хозяйственных и других государственных и общественных организациях; подтверждением этого вывода служит процент осужденных в 1927—1928 г. за взятку торговцев (27%), которые, разумеется, фигурируют в качестве давателей и посредников в даче взятки.

О серьезности этого рода преступления говорят и примененные меры социальной защиты: по этим делам из всего количества осужденных за взятку в 1927—1928 г.—47% приговорено к лишению свободы на срок от 2 до 10 лет, и если в 1926—1927 г. более пяти процентов было приговорено к расстрелу, а в 1927—1928 г., в силу амнистии, этого делать было

нельзя, это несколько не говорит за ослабление репрессий, ибо процент осужденных к лишению свободы на срок не ниже 5 лет увеличился по сравнению с 1926—1927 г. на шесть с лишним процентов (9,6—3,2). Таким образом, при пересмотре Уголовного Кодекса нам представляется, что не может быть и речи о том, чтобы по этого рода преступлениям можно было говорить о смягчении нашей карательной политики, а, наоборот, следует закрепить жесткие меры социальной защиты, особенно, в отношении матерей взяточников и давателей взятки, дабы не было поводом другим разлагать советский аппарат.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает ст. 59³ УК, не столько потому, что мы опасаемся течения за смягчение карательной политики по делам о бандитизме, ибо представителей этого течения едва ли сыщешь среди судебных работников, а потому, чтобы при определении общей установки при пересмотре УК наметить четкую установку в части незыблемости приговора, а может быть даже и предоставления судам права удлинять сроки изоляции в отношении определенных категорий преступников. Хотя статистика количества осужденных за бандитизм в 1927—1928 г. и показывает уменьшение (на 50%) по сравнению с 1926—1927 годом, зато показатель процент (39%) лиц, без определенных запятых, осужденных за бандитизм, из которого следует, что больше одной трети осужденных за бандитизм являются, если и не на сто процентов профессионалами-бандитами, то, во всяком случае, людьми деклассированными, в отношении которых должна быть и соответствующая установка в проведении карательной политики.

Перейдем к делам об убийстве. Статистика показывает, что процент осужденных за убийство в 1927—1928 г. увеличился по сравнению с 1926—1927 г. на 62 с половиной процента (200 и 325 чел.), при этом женщины составляют 35 процентов к общему числу осужденных за убийство. Обяснение столь солидному проценту женщин-убийц надо искать, главным образом, в делах о детоубийствах, карательная политика по которым, по ряду причин, проводится наиболее мягко, что, разумеется, не может не способствовать некоторому увеличению детоубийств. Однако, здесь меньше всего приходится говорить об усилении карательной политики по этого рода преступлениям, а скорее всего было бы, нам кажется, не плохо, если бы в новом уголовном кодексе была введена соответствующая статья, которая бы давала возможность без особых выкрутас привлекать к ответственности не столько физических убийц (матерей), сколько стоящих за ними действительных виновников убийства — неплательщиков алиментов (отцов), которые в более чем в 40 (41,4%) случаях из ста случаев детоубийств являются прямыми виновниками убийства, а заодно с этим прихватить в новый Уголовный Кодекс и не в меру грозных родителей, которые доводят своих дочерей до необходимости убивать детей, что составляет тоже около 20 случаев из ста. Разумеется, что наряду с мерами репрессий по делам о детоубийстве, само собой подразумевается ведение соответствующими организациями культурно-воспитательной работы среди женщин, поскольку по мотивам стыда мы имеем 26 процентов всей суммы детоубийств. Культурно-воспитательная работа должна быть направлена, прежде всего, в нашу деревню, ибо самый большой про-

цент детоубийств дает деревня. Выводы и предложения по другим видам преступлений, которые в той или иной мере были затронуты статистическими данными, в настоящей статье мы не намерены делать, в силу меньшей их значимости и показательности.

Наконец, в виде пожелания по существу предстоящего обсуждения вопроса о пересмотре Уголовного Кодекса, мы предлагаем, чтобы после того, как основная установка о принципах пересмотра будет дана предстоящим съездом работников юстиции, вынести этот вопрос на обсуждение широких масс трудящихся, по примеру обсуждения Кодекса о браке, семье и опеке, поскольку вопрос карательной политики Соввласти, с нашей точки зрения, заслуживает не меньшего к себе внимания, да и по существу-то вопросом того, как мы боремся с преступностью, рабочие и крестьянские массы весьма и весьма интересуются. Поэтому обсуждение этого основного вопроса, с участием широкой советской общественности, пусть бы и проиграло во времени (торопиться некуда), зато многое выиграло бы, как это показал опыт с обсуждением Кодекса о браке, семье и опеке.

С. Болтинов.

Страница практика.

Необходимо прекратить материальную поддержку государством растратчиков и воров

Заглавие настоящей статьи может вызвать у всякого законное недоумение, ибо вряд ли кто-либо может предположить, что в условиях суровой борьбы с растратами и хищениями в госучреждениях и предприятиях, проводимой со всей решительностью и твердостью, может иметь место какой-либо материальная поддержка социально-опасного элемента, разлагающего наш аппарат. А между тем, несмотря на дикость в наших условиях такого положения, оно имеет место. В самом деле, согласно пост. ЦИК и СНК СССР от 10/VIII 1927 г. «о порядке возмещения ущерба от растрат, присвоений и хищений имущества госучреждений и предприятий, кооперативных, профессиональных и общественных организаций», взыскание присужденных уголовным или гражданским судом сумм в возмещение растратченного, похищенного или присвоенного имущества может быть обращено на все имущество осужденного (ответчика) за исключением самого необходимого и в том числе за исключением заработной платы в размере, определяемом судом (не ниже госминимума), а также пенсий и пособий.

Таким образом, общий смысл закона сводится к тому, чтобы с растратчиков и воров взыскивать максимум того, что можно взять, при чем взыскания с заработной платы, в изъятие из общего порядка обращения взысканий на зарплату рабочих и служащих, допускаются до пределов госминимума.

Под словами «пенсии и пособия», при подобном направлении мысли законодателя, нам, казалось бы, следовало понимать незначительные пенсии и пособия, выдаваемые осужденному (ответчику) органами соцстраха, ККОВ'ами, сельско-хозяйственными кредитными обществами и т. д. Между тем, в практике под понятие пенсий и пособий подводят и пенсии, выплачиваемые органами соцстраха рабочим и служащим, потерявшим в той или иной степени трудоспособность, и пенсии и выходные пособия, выдаваемые увольняемым из кадров РККА военными служащими начсостава на основании «положения о гособеспечении кадрового начсостава РККА».

То, что закон от 10/VIII 1927 г. не имел в виду выходные пособия, с очевидностью явствует из того, что в гражданских учреждениях и предприятиях растрата, хищение или присвоение влекут за собой увольнение виновного по п. «д» ст. 47 КЗоТ, без выходного

пособия, и, таким образом, вопрос об обращении или необращении взыскания на выходное пособие практически не имеет значения. Но иное положение существует в военном ведомстве, где действует «Положение о гособеспечении кадрового начсостава РККА», устанавливающее без всяких оговорок выдачу выходного пособия во всех случаях увольнения военнослужащего начсостава из кадров РККА.

И таким образом, военнослужащий, растративший или похитивший государственные средства, получает от государства же выходное пособие, достигающее иногда весьма значительной суммы в несколько сот рублей, защищенное, по мнению толкователей закона от 10/VIII 1927 года, от взыскания на покрытие растраты или хищения.

Вряд ли есть необходимость доказывать всю абсурдность подобного положения, а между тем это явление имеет место, и растратчики и воры пользуются им. Необходимы срочные меры к прекращению подобного безобразия, доказывающего лишний раз необходимость взвешивающего и сознательного, а не формального отношения к законам со стороны сотрудников нашего госаппарата.

Вторым вопросом, также требующим с нашей точки зрения разрешения, является вопрос об установленном тем же законом от 10/VIII—27 г. необращении взысканий на пенсии. Как известно, пенсии по соцстраху и особенно по «Положению о гособеспечении начсостава кадров РККА» нередко достигают суммы в сто и больше рублей. И непонятно, почему государство, выдающее эти пенсии, ограждает их от взыскания на возмещение ущерба, причиненного ему же или общественной, профессиональной и кооперативной организации? Почему возможно с растратчика-служащего, получающего 70—80 рублей жалованья, взыскивать по усмотрению суда на возмещение причиненного им ущерба его жалованья, за исключением госминимума зарплаты, и нельзя сделать того же в отношении растратчика-пенсионера, получающего пенсию в размере 100—150 рублей?

Нам кажется, что государство не заинтересовано в сохранении материального благополучия пенсионера, не оправдавшего доверия государства, и закон должен быть изменен в сторону приравнения пенсий в отношении возможности обращения взысканий на возмещение причиненного растратой или хищением ущерба к зарплате.

И. Дорман.

Слить надпись о протесте векселя с исполнительной надписью.

Нотариальные конторы с векселем производят два действия: протест и совершение исполнительной надписи. Протесту предшествует посылка векселедателю требования о платеже и бланконадписателя извещения о поступлении векселя для протеста. Эти действия совершенно необходимы, т. к. ответственные по векселю лица могут не знать, где находится вексель, и тем самым не иметь возможности оплатить его. Следовательно, роль нотконторы сводится к облегчению нахождения векселя, к принятию платежа и в случае непоступления его—к совершению об этом надписи-протеста.

Совершенно иначе обстоит дело с совершением исполнительной надписи; роль нотконторы в этом случае заключается в прибавлении к первой надписи, сделанной ею же, второй надписи, что часто делается почти одновременно. Если в старое время подобный порядок имел основание, т. к. протест совершался нотариусом—лицом частным, а судебный приказ выдавался судом—государственным учреждением, то в настоящее время, когда и протест и исполнительная надпись делаются одним и тем же учреждением, никаких оснований к этому нет.

Для упрощения работы нотариальных контор, а тем самым сокращения штата, достаточно или совершенно уничтожить исполнительные надписи на протестованных векселях, придав им силу документа, по которому можно производить взыскание, или слить надпись о протесте с исполнительной надписью.

Чтобы не пострадали интересы фиска от подобного упрощения достаточно в известных пунктах увеличить нотариальную таксу.

Зам. нотариуса Л. Тхоржевский.

г. Ленинград.

Взаимная ответственность в УК.

Большое значение в борьбе с глубоко вкоренившимися преступлениями в действующем законе имеет и могло бы иметь начало, выявленное в статьях о даче взятки, приеме-покупке краденого. Оно идет навстречу воспитательным требованиям, общим современным понятиям, логически выдержано. Одинаковая ответственность принимающего и дающего взятку метко бьет в цель.

В целях охранения частной собственности, каралась и раньше скупка-прием краденого. Добровольное же отчуждение бездейственного участия в последующем—взяточничество—не считалось злом большой руки. Иначе и не могло быть. Порожденный временами неравенства закон, естественно, отражал таковое.

А теперь уже и в ходячем представлении одинаково расценивается получение и дача взятки.

Дальнейшее развитие уравнилельных и воспитательных устремлений выражается в аннулировании наказания взаимных оскорблений, сужении понятия самообороны. Эта проблема заслуживает особого внимания теоретиков уголовного права.

Разработка этого вопроса, по выяснении его места в воздействующей системе, должна бы повлечь к дальнейшему распространению принципа взаимной ответственности. Целый ряд статей УК ждут своей «ст. 118». В первую очередь самоповарение и шинкарьство.

Если взятка, казавшаяся непобедимой, подалась частью от указанного сильного средства, то применение его к «зеленой язве» в положительном случае будет решающим опытом, которому должны потом подвергнуться ростовничество, сводничество, заражение вен болезнью и проч. преступления, единолично несовершеншаемые, с которыми бороться принятыми мерами нелегко. Преследовать одних самогонщиков—сушить болото, оставляя чертей. Из такой пахучей ванны надо выплескивать и ребенка.

При новом издании УК необходимо состав многих преступлений отточить с обеих сторон так, чтобы не повадно было ни соблазнительям, ни исполнителям. Из одного преступления сделать два, например, для аборта: как деяние, он—результат согласованных усилий двух субъектов; обращать одного из них в безлический объект преступления нет основания.

Зажиточные, сознательные женщины уговаривают за хорошее вознаграждение крестьянку, беднячку, многодетную акушерку. На суде первые—в стороне, вторые—в бороне.—Не резон.

Совсем нелепо бывает, когда в процессе о ростовничестве фигурируют два напмана. Один выручил другого за высокие проценты; платить по векселям неохота или в отместку за петоварищеский барыш—возбуждается дело. Ясно, обоим «курорт», так нет, один потерпевший. Экая жертва, подумаешь!

Такое положение тысячу раз нигуда не годится. Третий УК должен восполнить пробелы, считаясь с достигнутым уровнем быта, нравов, требующих раздвижения понятия соучастия и надлежащей квалификации его.

С. Прохорцев.

Сл. Михайловка, Хоперского округа.

Как квалифицировать кражу в трамвае.

Ст. 162, п. «в», УК говорит: кража, совершенная на вокзалах, пристанях, пароходах, в вагонах и гостиницах, карается...

Работники судов под словом «вагонах» почему-то понимают только поезда и в случае совершения кражи в вагонах трамвая квалифицирует преступление по 162 ст. п. «а» УК, между тем, мера наказания этих двух статей различная.

Если законодатель действительно предусматривал ст. 162, п. «в», УК лишь вагоны поездов, то возникает вопрос, какая же разница между кражей, совершенной в вагоне поезда и трамвая? Потерпевший, у которого вор вытащит кошелек с деньгами и документами в вагоне трамвая, останется в таком же дурацком положении, как и потерпевший после кражи в вагоне поезда. Предположим, что крестьянин приехал из деревни и вез с собою в вагоне трамвая необходимые вещи, которые были похищены, и деньги, без которых он останется в Москве не может, и обратно ехать не на что, плюс к тому надо с трамвая слезть, т. к. заплатить за билет стало нечем. В таких случаях, думается, надо применять 162 ст. п. «в», УК, т. к. кража совершена в месте скопления, с оставлением потерпевшего в самом безвыходном положении.

Этот вопрос ждет разрешения.

Работник парсуда Бауманского р-на Львов.

Сезонная ли работа?

Группа рабочих в количестве 15 чел. по трудовому договору напалась произвести раскопку траншей, длиной 1,73 метра, шириной 1 метр и глубиной 2,5 метра для вновь прокладываемой водопроводной магистрали с обратной засыпкой и плотной утрамбовкой. Работа продолжалась три с половиной месяца, после чего, без предупреждения, рабочие были уволены. Ни компенсация за отпуск, ни выходное пособие при увольнении выданы не были, т. к., по мнению администрации, данная работа—сезонная работа.

Постановлением НКТ РСФСР еще от 11/V—27 г. за № 95 был утвержден перечень сезонных работ № 1 по коммунальному хозяйству, где прямо было указано, что постройка водопровода есть сезонная работа. В момент же производства работ постановлением НКТ РСФСР от 4/V—28 г. за № 127 (см. «Изв. НКТ» 28 г. № 28, стр. 440), в отмену существовавшего, был издан новый перечень сезонных работ по коммунальному хозяйству, где дается только общая формулировка, что при разрешении вопроса: что считать сезонной работой, необходимо руководствоваться общим перечнем сезонных работ, опубликованным в качестве приложения к постановлению НКТ СССР от 5/IV—28 г. за № 267 (см. «Изв. НКТ» 28 г. № 16, стр. 233).

В этом последнем перечне ничего не сказано о водопроводных работах, но производство земляных работ признано сезонной работой.

Упомянутые рабочие—члены профсоюза строителей. Раскопку траншей для новой магистрали водопровода рассматривали, как строительную работу и, по силе пост. ЦИК и СНК СССР от 4/IV—28 г. (см. «Изв. НКТ» 28 г. № 16), считали себя в праве требовать уплаты выходного пособия и компенсации за отпуск в размере $\frac{1}{25}$ полученной за все время работ зарплаты за каждый вид следуемых сумм.

Парсуд, рассматривая исковое заявление и принимая во внимание, что основная работа, произведенная по данному трудовому договору, есть земляная работа—раскопка траншей, что по климатическим условиям данной местности эта работа может производиться только в определенную часть года, признал иск не подлежащим удовлетворению, т. к., якобы, данный вопрос должен регулироваться законом о сезонных работах.

Решение не было обжаловано и вступило в законную силу.

По нашему мнению, это решение суда неправильно, т. к. вопрос, считать ли проводку водопровода сезонной или строительной работой, должен быть разрешен утвердительно, что проводка водопровода есть строительная работа.

Выкопка же траншей—земляная работа—должна определяться, так сказать, по признаку следования части за главной вещью. Цель—водопровод, средства—копание земли. Закон о строительных работах, как союзный закон, территориально распространяет свою силу на весь Советский Союз, где, при необходимости СССР, могут быть различные климатические условия. В частности, работы по проводке водопровода могут проводиться непрерывно и в течение всего года (например,

Крым, Кавказ), следовательно, климатический признак, в приложении к водопроводу, для установления понятия сезонной работы должен быть исключен.

В том же законе о строительных работах статьей десятой предписывалось НКТ СССР издать инструкции по применению постановления ЦИК и СНК от 4/IV—28 г., но таковые до сих пор в свет не вышли.

Нам кажется, что наличие их разрешило бы местам ряд спорных и подчас весьма трудных вопросов практики.

Урал. область, г. Саранул.

В. Ч.

Текущее законодательство.

Если в области сельского хозяйства конец года был ознаменован крупнейшими законодательными актами, которые наметили основные линии работы на целый ряд лет, то в области промышленности законодательство ограничилось разрешением лишь ряда текущих вопросов. Основная линия здесь дана не только всерьез и надолго, но и навсегда—лозунг индустриализации народного хозяйства. Отдельные декреты лишь развивают и уточняют эту линию применительно к особенностям различных областей хозяйства и в соответствии с задачами постепенного освобождения их от хозяйственной зависимости, от ввоза иностранного сырья, машин и т. п. Так, постановление СТО от 6 октября о сборе и реализации лома черных металлов (С. З. 1928 г. № 63, ст. 585) частично изменяет редакцию постановления от 27 сентября 1927 г. об учете и реализации лома черных металлов (С. З. № 59, ст. 599). Вместо временной меры, рассчитанной на 1927—1928 гг., сбор и реализация лома признаны постоянной задачей республиканских учреждений и предприятий, а сельскохозяйственная и потребительская кооперация и занимающиеся сбором утильсырья государственные торговые организации обязаны организовать закупку лома у кооперации и частных лиц. Осуществление этой задачи, продиктованной дефицитом сырья, зависит во многом, конечно, от успешности той кампании, которая в этом отношении проводится общественными организациями. Реализация лома, поступающего от государственных учреждений и предприятий, производится монопольно акц. о-вом «Рудметаллоторг»; предельно-минимальные цены устанавливаются высшими регулирующими органами. Аналогичного содержания постановление ЭКОСО РСФСР от 15 ноября о сборе и реализации лома черных металлов на территории РСФСР («Изв.» от 23 ноября, № 272) имеет республиканское значение.

В целях концентрации сырья для возможности планового его расходования издано постановление СНК СССР от 4 сентября о предоставлении государственному тресту «Редкие элементы» исключительно права добычи, скупки и переработки радиоактивного сырья и преимущественного права на получение для разработки месторождений ряда редких элементов (С. З. № 58, ст. 518).

Расширение сырьевой базы промышленности требует производства научно-исследовательских работ. В соответствии со ст. 7 Горного Положения СССР от 9 ноября 1927 г. (С. З. № 68, ст. 688), издано постановление СНК СССР от 6 октября 1928 г. о порядке предоставления недр для научно-исследовательских целей (С. З. № 63, ст. 581), устанавливающее упрощенный порядок получения недр для этих целей, бессрочность пользования ими, а также освобождение от всякой их оплаты.

В целях образования основного ядра судов советского торгового флота для обеспечения главнейших морских перевозок СССР от всевозможной блокады иностранных судостроителей, издано постановление СТО от 25 сентября о мерах по улучшению судостроения и снижению себестоимости постройки судов («Изв.» от 14 и 15 ноября, №№ 264—265). Постановление предусматривает не только программу судостроения, долженствующую обеспечить осуществление указанных задач, но и ряд подробностей технического их оформления. По общему правилу постройка судов производится на заводах СССР. Лишь частично заказы могут быть передаваемы за границу с особого, однако, разрешения СТО. Особо оговорена необходимость использования иностранного опыта и достижений иностранной науки и техники.

Особое внимание уделяется в последнее время законодательством вопросам строительства. Постановление СТО от 13 октября о проверке свода производственных

строительных норм (С. З. № 63, ст. 586), возлагает на государственные, кооперативные и общественные учреждения и предприятия, производящие крупные строительные работы, производить проверку норм расхода рабочей силы и строительных материалов. Данные этой проверки должны послужить материалом для построения действительно рациональных норм строительства, что в свою очередь повлечет снижение расходов на эту важную отрасль народного хозяйства.

Задача концентрации промышленности строительных материалов имеется в виду постановлением СТО от 23 ноября об объединении и укрупнении предприятий кирпичного, алебастрового и известково-мелового производства («Изв.» от 25 декабря, № 299). Для достижения желательных результатов объединения и укрупнения предприятий требует соблюдения ряда условий: достаточной мощности объединяемых предприятий, снабжения их необходимыми оборотными средствами, а также организации трестов не ниже губернского или окружного значения. Вместе с тем предусматривается трестирование предприятий, подведомственных не только органам народного хозяйства, но и другим ведомствам и местным исполкомам. Таким образом, перед поставленными задачами общегосударственного порядка отступают на задний план всякого рода ведомственные и прочие интересы, что в значительной мере должно усилить снабжение рынка строительных материалов.

В целях регулирования дроволесозаготовок, имеющих важное значение для промышленности, постановлением ЭКОСО РСФСР от 27 октября продлен срок работ центральных и местных комиссий по регулированию работ на дроволесозаготовках на 1928—29 операционный год («Изв.» от 6 декабря, № 283). Задачами этих комиссий (см. С. У. 1927 г. № 108, ст. 734) является составление плана уборки рабочей силы для лесозаготовок, установление предельных расценок на все виды дровозаготовительных работ, предельных размеров накладных расходов и т. п.

С вопросами рационализации промышленности тесно увязаны вопросы рационализации труда. Крупнейшее мероприятие, связанное с ознаменованием X-летия Октябрьской Революции—7-часовой рабочий день—находится под неослабным контролем высших союзных и республиканских органов. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 6 октября по докладу Народного Комиссариата Труда и Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР о переводе предприятий на семичасовой рабочий день в 1928—29 году («Изв.» от 16 ноября, № 266) признано необходимым усилить темп этой работы с таким расчетом, чтобы общее количество рабочих, охваченных этим мероприятием, составило к концу 1929—30 года не менее 35 проц. Фактический переход на семичасовой рабочий день производится лишь по окончании подготовительных работ, по обеспечении намеченного развешивания производства и снижения себестоимости и после проведения разъяснительной кампании. Как правило, во всех вновь сооруженных предприятиях семичасовой рабочий день вводится со дня вступления их в эксплуатацию. Возложен ряд заданий на наркоматы по обеспечению жилищных и бытовых нужд рабочих и мероприятий по охране их труда, по обеспечению предприятий квалифицированной рабочей силой, на повышение трудовой дисциплины и т. п.

Не только редакционное значение имеет постановление СНК РСФСР от 11 октября об изменении ст. 2 постановления СНК РСФСР от 10 декабря 1923 г. об изъятиях из ст. 2 временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях («Изв.» от 16 ноября, № 266). Оно устраняет необходимость согласования с органами РКИ и прокуратуры постановлений губотделов труда о допущении изъятий в исключительных случаях из правила о запрещении совместной службы родственников (см. «С. У.» 1923 г. № 1, ст. 8 и 1924 г. № 1, ст. 2).

Постановление СНК СССР от 8 сентября о порядке установления персональных окладов для служащих государственных учреждений и предприятий, кооперативных организаций, смешанных акционерных обществ и акционерных обществ с преобладающим участием кооперативного капитала («С. З.» № 59, ст. 531) объединяет все предшествующее законодательство по данному вопросу («С. У.» 1924 г. № ..., ст. ..., «С. З.» 1927 г., № 33, ст. 346 и 1928 г., № 26, ст. 236). Внесены изменения, вызванные как проведением государственного нормирования заработной платы, так и необходимостью усиления влияния Наркомтруда СССР на назначение персональных окладов. Последними

считаются все оклады, размер которых превышает должностные оклады, установленные в порядке госнормирования или коллективным договором (тарифным соглашением), либо вознаграждение, причитающееся по общей или по особым тарифным сеткам. Персональные оклады для служащих учреждений и предприятий, в которых предусмотрено госнормирование, устанавливаются наркоматами труда и их органами в том же порядке, что и твердые должностные оклады. В других же учреждениях и предприятиях оклады до 360 руб. устанавливаются их руководящими органами с последующим уведомлением (при наличии коллективного договора с общей тарифной сеткой), либо с предварительного разрешения соответствующего органа труда. Для окладов от 360 до 500 руб. необходимо разрешение наркомата труда (союзного или республиканского), для окладов же свыше 500 руб. обязательно разрешение НКТ СССР. Также необходимо разрешение последнего и во всех случаях, если персональные оклады, получаемые по совместительству, превышают 540 рублей. Таким образом, обеспечивается получение высоких окладов лишь теми специалистами, которые в этом качестве будут проверены Наркоматом Труда СССР.

Издание постановления СНК РСФСР от 14 ноября о порядке производства работ в день 3 мая 1929 г. («Изв.» от 19 декабря, № 294) вызвано тем обстоятельством, что этот день является в этом году промежуточным между днями Интернационала—1 и 2 мая—и особыми днями отдыха в большинстве местностей СССР—4, 5 и 6 мая (пасха). Этот день может быть объявлен нерабочим для промышленных рабочих с условием отработки его в один из дней отдыха, либо удлинения рабочего времени в рабочие дни. Порядок отработки устанавливается местными органами труда.

В соответствии с важностью тех задач, осуществление которых возлагается государством на кооперацию, большое значение приобретает окончательное оформление кооперативных всесоюзных центров. В № 62 «Собр. Зак.» опубликованы утвержденные 26 сентября СНК СССР Положения о Всесоюзном совете республиканских центров промысловой кооперации «Всекопромсовет» и о Всесоюзном совете сельскохозяйственной кооперации (ст.ст. 567 и 568).

Цель организации Всекопромсовета—согласование в плановом порядке работ республиканских центров промысловой кооперации, укрепление внутрикооперативных организационных связей ее и представительство интересов промысловой кооперации в органах СССР. Цель же организации Сельскосовета—установление основных принципов организации сельскохозяйственной и сельскохозяйственной кооперации, согласование ее деятельности и представительство ее интересов. Оба вновь образованных центра пользуются правами юридического лица. Особо оговорено их право законодательной инициативы—право внесения законодательных предложений в СНК СССР и в СТО, а также право их председателей присутствовать с совещательным голосом на заседаниях этих высших органов СССР. Высшими органами Всекопромсовета и Сельскосовета являются их пленумы, состоящие из представителей соответствующих республиканских кооперативных центров. В состав Сельскосовета, кроме того, входят представители Колхозцентра и ЦК союза сельхозлесрабочих.

Из других законов, относящихся к кооперативным организациям, необходимо отметить постановление СНК РСФСР от 2 августа о приравнивании промыслово-кредитных кооперативных организаций к учреждениям, состоящим на государственном бюджете, в отношении уплаты судебных пошлин и местных налогов и сборов («С. У.» № 104, ст. 658), и постановление ЦИК и СНК СССР от 29 августа об изменении ст. 14 правил о порядке обеспечения залогом исполнения по договорам государственных подрядов и поставок («С. З.» № 57, ст. 499), согласно которому кооперативные организации не ниже окружного значения в районированных местностях и не ниже губернского в перайонированных могут выдавать гарантийные письма, обеспечивающие исполнение подряда или поставки со стороны входящих в их состав кооперативных организаций (см. «С. З.» 1927 г., № 28, ст. 292).

В связи с оформлением кредитной кооперации в составе кооперации сельскохозяйственной и промысловой («С. У.» 1927 г. № 109, ст. 736 и 1928 г. № 86, ст. ...) заслуживает внимания постановление СНК РСФСР от 19 октября о прекращении потребительскими обществами

и их союзами совершения кредитных операций («Изв.» от 17 ноября, № 267). Разрешается лишь прием вкладов от своих членов на расширение оборотных средств, а также выдача им ссуд из фондов кооперирования бедноты для образования паевых взносов, организация для членов касс взаимопомощи. Союзы потребительских обществ выдают также своим членам ссуды из особых фондов на санитованье (оздоровление) и строительство, а также принятие от них в залог имущества. Соответственные изменения внесены в нормальные уставы потребительских обществ и их союзов («С. У.» 1925 г., № 15, ст.ст. 96 и 97, и № 37, ст.ст. 262 и 263).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 ноября о порядке хранения запасных капиталов обществ взаимного кредита («Изв.» от 24 ноября, № 273) издано в целях концентрации этих капиталов и большего обеспечения возможности покрытия за их счет убытков этих обществ. Они хранятся на особом текущем счету в Государственном Банке или обращаются в облигации государственных займов, передаваемые на хранение в тот же Госбанк.

Действующим в настоящее время обществам взаимного кредита может быть предоставлена годичная отсрочка для выполнения изложенного требования закона (см. «С. З.» 1923 г. № 11, ст. 94).

В условиях настоящего времени большое значение приобретает жилищное законодательство, в частности, устанавливаемые им мероприятия, поощряющие развитие жилищного строительства за счет частного капитала, и в особенности законодательство в области рабочего жилищного строительства. Постановление СНК СССР от 14 сентября об изменении постановления о мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала («С. З.» № 60, ст. 545), развивая поощрительные мероприятия, устанавливает, что нормальный устав частных обществ взаимного строительного кредита издается НКФ СССР (вместо первоначального намеченного законодательного порядка), что эти общества облагаются подоходным налогом на основаниях, установленных для обложения кооперативных организаций («С. З.» 1926 г. № 68, ст. 524) и что дивиденды по паям этих обществ, а равно проценты по производимым в них вкладам освобождаются от обложения подоходным налогом (см. «С. З.» 1923 г. № 26, ст. 231).

В отношении льгот для жилищного строительства вообще необходимо отметить постановление ЦИК и СНК СССР от 14 ноября об изменении ст. 6 раздела 1 перечня изъятий и льгот по подоходному налогу с государственных предприятий, кооперативных организаций и акционерных обществ (паевых т-в) с участием государственного и кооперативного капитала («Изв.» от 24 ноября, № 273), освобождающее операции коммунальных (городских) банков по кредитованию жилищного строительства от обложения подоходным налогом (см. «С. З.» 1923 г., № 1, ст. 3). Что касается специально-рабочего жилищного строительства, то в соответствии с постановлением СНК СССР от 3 июля 1928 г. об изменении в законодательстве СССР, вытекающих из постановления СНК СССР от 17 апреля 1928 г. о мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала («С. З.» 1928 г. № 42, ст. 380), и постановлением СНК СССР от 25 июля 1928 г. об изменении законодательства СССР в связи с некоторыми налоговыми законами («С. З.» 1928 г. № 45, ст. 403), издано постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября об изменении и дополнении ст. 80 Положения о местных финансах РСФСР («Изв.» от 24 ноября, № 273). От уплаты целевого квартирного налога, поступления которого обращаются в местные фонды рабочего жилищного строительства, освобождаются лица, осуществляющие строительство домов за счет частного капитала, в отношении жилой площади, занимаемой ими и членами их семей.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 августа 1928 г. об отмене взимания арендной платы за разработку общераспространенных ископаемых для нужд рабочего жилищного строительства («С. У.» № 103, ст. 649) соответственно изменяется ст. 8 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 ноября 1927 г. о мерах содействия рабочему жилищному строительству («С. У.» № 119, ст. 807), а постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 7 августа о постройке школьных зданий промышленными предприятиями, осуществляющими строительство рабочих жилищ («С. У.» № 103, ст. 650), издано во исполнение директивы, содержащейся в постановлении ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1928 г. по тому же предмету («С. З.» № 13, ст. 112). Устанавливаются обязанности, предусмотренные

общесоюзным законом в отношении промышленных предприятий общесоюзного значения, также в отношении предприятий республиканского и местного значения. В результате дети рабочих этих предприятий должны полностью быть обслуживаемы школами первой ступени и школами социального воспитания повышенного типа. Местные исполнительные комитеты, которым передаются вновь построенные школьные здания, обязаны выплатить их стоимость в тот же срок и на тех же условиях, какие установлены по договору предприятия с Цекомбанком.

В том же направлении издано постановление СНК СССР от 20 августа о мероприятиях по удовлетворению культурно-бытовых нужд населения рабочих жилищ («С. З.» № 56, ст. 496). Признавая целесообразным при крупном строительстве организовывать общие столовые, ясли, прачечные, бани и т. п., закон разрешает местным советам, государственным предприятиям и государственным учреждениям расходовать на эти цели не более 5% общей стоимости строительства. А постановление СНК РСФСР от 1 сентября о льготах по нотариальному сбору для строительства сооружений, предназначенных для обслуживания культурно-просветительных нужд рабочих и служащих («С. У.» № 114, ст. 713), освобождает эти документы вовсе от взимания сбора (см. «С. У.» 1927 г., № 78, ст. 532).

Особого внимания заслуживает постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа о мероприятиях по обеспечению жилищами рабочих, занятых на сезонных и временных работах («С. У.» № 112, ст. 689), имеющее целью урегулировать вопрос о сооружении домов-общежитий для рабочих, не имеющих постоянной оседлости (строителей, грузчиков), а также для рабочих-одиночек.

Рабочие общежития возводятся капитального типа за счет ассигнований местных советов и исполкомов, целевых взносов предприятий, производящих крупные погрузочно-разгрузочные работы, и кредитование за счет специального капитала Цекомбанка; по окончании сооружения общежитий они передаются в ведение местных исполкомов. В течение сезона общежития обслуживают исключительно вышеприведенные категории рабочих. В другое время они могут заселяться также другими категориями жильцов, обязанных по первому требованию немедленно освободить занятое помещение без предоставления им другой жилой площади. В случае неисполнения этого требования они выселяются в административном порядке в любое время года. Также рабочие в недельный срок по прекращении трудового договора обязаны освободить занятое помещение с теми же последствиями в случае невыполнения этого правила. В случае недостаточности общежитий и невозможности обеспечить рабочих наемными помещениями хозорганы обязаны сооружать временные жилища для расселения сезонных рабочих.

В целях более рационального использования жилищного фонда госпредприятий и возмещения расходов на его содержание издано постановление ЦИК и СНК СССР от 15 августа об оплате жилых помещений в домах, принадлежащих государственным промышленным предприятиям («С. З.» № 57, ст. 498). В бесплатных помещениях устанавливается оплата помещений по ставкам, определяемым в соответствии с себестоимостью содержания этих домов. По этим же ставкам оплачиваются впредь и помещения, оплачивавшиеся до настоящего времени по пониженным ставкам. В возмещение расходов, вызываемых переходом к новой оплате помещений, работникам выдаются особые квартирные надбавки, не включаемые в систему заработной платы.

Хроника.

Усилить привлечение к ответственности за нарушение правил об охране труда.

8-й всесоюзный съезд профсоюзов обратил внимание профсоюзных органов на продолжающийся рост несчастных случаев и повреждений в производстве. Съезд решил: поставить систематическое изучение причин, вызывающих рост несчастных случаев на производстве, и принять меры к их устранению; усилить привлечение к ответственности хозорганов, небрежность и халатность которых вызывают несчастные случаи, а равно и в случае задержки и не-

полного использования средств, ассигнуемых на охрану труда; систематически разъяснять рабочим необходимость осторожного и правильного обращения с машинами, используя для этого печать, стенные плакаты, лекции, специальную литературу и т. д.; усилить работу инспекции труда в области предупреждения несчастных случаев и ответственность инспекции труда перед рабочими массами; всемерно поощрять изобретение всякого рода приспособлений, предупреждающих несчастные случаи, и следить за их действительным применением на предприятиях; поставить перед ВСНХ вопрос об организации производства вентиляционных установок и предохранительных приспособлений по охране труда («Труд» № 11—29 г.).

8-й всесоюзный съезд профсоюзов за упрощение трудового законодательства.

Учитывая множественность разъяснений и дополнений и Кодексу Законов о Труде, создающих нагромождение в законодательстве, а также существование различных норм законодательства в отдельных республиках, 8-й съезд профсоюзов поручает ВЦСПС с участием ЦК союзов и областных, республиканских СПС провести работу по пересмотру разъяснений и дополнений к Кодексу Законов о Труде в направлении упрощения и отмены тех ограничений, которые в данный момент не вызываются крайней необходимостью. В дальнейшем съезд считает необходимым, чтобы основные и наиболее важные законодательные акты по труду до их опубликования выносились предварительно на обсуждение широких рабочих собраний.

Съезд одобрил законодательную инициативу ВЦСПС, направленную к устранению волокиты в разрешении конфликтов, и предлагает союзным организациям повести систематическую работу по разъяснению законодательства по конфликтным делам среди широких масс рабочих и служащих.

В целях ускорения разрешения конфликтов на предприятии и приближения расценочной работы к цеху, съезд высказывался за повсеместную организацию в предприятиях, где имеются цехпрофбюро, цеховых РКК и расширение их прав. Наряду с этим съезд высказывается за беспорочное сохранение расценочных функций как за общезаводскими, так и за цеховыми РКК. Съезд поручил ВЦСПС добиться в кратчайший срок издания положения об общезаводских и цеховых РКК.

Ответственность за систематическое невыполнение предложений производственных совещаний и преследование за самокритику.

8-й всесоюзный съезд профсоюзов, в целях усиления выполнения целесообразных предложений производственных совещаний и временных контрольных комиссий решил: организовать систематическую проверку выполнения предложений производственных совещаний; усилить роль РКК в проверке выполнения решений производственных совещаний; установить, что при несогласии заводоуправления проводить предложения производственных совещаний и контрольных комиссий, одобренные заводком, заводоуправления обязаны эти предложения перенести на рассмотрение высшестоящих хозорганов с тем, что последние окончательно разрешают вопрос с ведома соответствующего союзного органа. Профсоюзы должны добиваться через органы РКК привлечения к ответственности хозорганов за систематическое невыполнение принятых администрацией предложений производственных совещаний.

По решению съезда необходимо добиться широкого развертывания самокритики на производственных и экономсовещаниях, как основного средства вскрытия недостатков и больных мест в нашей хозяйственной и советской работе; необходимо тщательно проверять каждый отдельный случай репрессий против активных работников производственных совещаний (рабочих, служащих, инженерно-технического персонала) и экономсовещаний, привлекая в случае зажима критики рабочих к ответственности виновных в этом административных лиц. («Труд» № 11—29 г.).

8-й всесоюзный съезд профсоюзов о работе НКТруда.

В области трудового законодательства НКТ СССР должен наряду с дальнейшим уточнением законодательных норм в направлении улучшения условий охраны труда и приспособления их к обстановке социалистического строи-

тельства провести также работу по объединению (кодификации) и упрощению существующих законов и правил о труде.

Органам НКТруда необходимо повести решительную борьбу против всяких нарушений законов и условий колдоговоров по найму рабочей силы со стороны хозорганов, в частности привлекая хозорганы к ответственности за злоупотребления с наймом временных рабочих на постоянные работы.

Органы НКТ и профсоюзы должны повести энергичную борьбу, особенно с бюрократизмом, взяточничеством, протекционизмом, предавая во всех случаях судебной ответственности виновных лиц и устанавливая систематический контроль со стороны профсоюзов за работой бирж труда.

В связи с разветыванием промышленности роль НКТ в деле регулирования трудовых отношений усиливается и приобретает большое значение. Необходимо обеспечить максимальную точность, ясность и быстроту в разрешении конфликтов в примирительных камерах и третейских судах. Съезд особо подчеркивает необходимость усиления примирительного разбирательства конфликтов.

Съезд поручил НКТ ускорить проведение в жизнь постановления о децентрализации конфликтных органов на железнодорожном транспорте.

Отмечая, что новое законодательство о примирительно-третейском разбирательстве является серьезным шагом в борьбе с волокитой и сутяжничеством, съезд поручает органам НКТ и профсоюзам широко популяризировать основы этого закона в широких рабочих массах и следить за точным исполнением сроков для разбора трудовых конфликтов.

Примирительно-третейское разбирательство трудовых конфликтов.

НКТруд РСФСР обратил внимание местных органов труда на ряд моментов, связанных с проведением пост. ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. о примирительно-третейском и судебном разбирательстве трудовых конфликтов. (п. НКТ РСФСР № 295 от 15 октября 1928 г. — «Изв. НКТ» 1928 г. № 47/48). В ст. 12 правил установлен перечень вопросов, для которых РКК является обязательной первой инстанцией. Эта статья значительно расширяет круг вопросов, по которым обязательно обращение в РКК в случае конфликта, по сравнению с прежним законодательством. Право выбора инстанций для разбора конфликта по данным вопросам для работника исключается. Этот перечень в настоящее время является твердым перечнем и не может изменяться на местах ни в сторону расширения, ни в сторону сокращения вне правил, предусмотренных в ст. 13.

Весьма существенным мероприятием новых правил в целях борьбы с волокитой является установленные сокращенные сроки давности. Необходимо отметить, что для увольнения по п. «г» ст. 47 КЗоТ, срок давности в отличие от остальных случаев увольнения исчисляется не с момента предъявления расчета, а с момента совершения проступка. Это правило следует понимать как обязанность нанимателя в течение 14 дней после проступка работника поставить в РКК вопрос об его увольнении в порядке примечания к ст. 47 КЗоТ. Если же этот срок пропущен, и работник в течение 14 дней после проступка не был уволен, то после этого срока возбуждение вопроса об увольнении по мотивам данного проступка должно отпасть. В тех же случаях, когда увольнение по п.п. «в» и «г» ст. 47 КЗоТ произведено с нарушением примечания 1 к этой статье, в РКК может стоять лишь вопрос о восстановлении незаконно уволенного работника с возбуждением уголовного преследования против администратора, виновного в увольнении. Срок для возбуждения дела о восстановлении в должности 14-дневный со дня предъявления расчета.

Установленные законом сроки давности имеют для них безусловно обязательный характер, за исключением тех случаев, когда пропуск срока признается ею уважительным, и в последнем случае любое конфликтное дело может быть рассмотрено в РКК с пропуском срока. Отмена решения РКК в порядке надзора по мотивам просрочки обращения в РКК недопустима, поскольку РКК признала мотивы просрочки уважительными.

Ст. 20 правил возлагает на рабочую часть РКК обязанность сообщать прокуратуре обо всех действиях нанимателя, имеющих признаки уголовного деяния. Учитывая, что во многих случаях рабочая часть РКК не будет доста-

точно строго следить за выполнением этой обязанности, органам НКТ надо усилить свой контроль в этой области и при рассмотрении в порядке надзора решений РКК обращать особое внимание на выявление в действиях администрации деяний, перечисленных в ст. 20 правил, и в подлежащих случаях сообщать о них прокуратуре.

Согласно ст. 42 правил, орган труда, отменяющий решение РКК, сам направляет дело по своему выбору снова в РКК или в трудсессию. Необходимо следить за тем, чтобы в выборе направления дела отдел труда считался с желанием работника, как с решающим мотивом, когда дело касается удовлетворения искового требования. Исковые дела направлять обратно в РКК следует лишь в том случае, когда есть полная уверенность в правильном разрешении дела в соответствии с мотивировочной частью постановления органа труда об отмене предыдущего решения и только по таким делам, по которым для трудсесии было бы крайне затруднительным разбираться с техническими правилами расчетов, действующих в данном предприятии.

Премирование за предложения, содействующие удешевлению и упрощению работы гос. учреждений.

Руководителям учреждений, состоящих на государственном и местном бюджетах, разрешается расходовать часть средств из сумм экономии, получаемой в результате применения предложений по удешевлению и упрощению работы указанных учреждений, на премирование лиц, внесших эти предложения.

Премии могут выплачиваться как сотрудникам данного учреждения, так и посторонним лицам — авторам предложений. Премия не выплачивается лицам, в непосредственную обязанность которых по службе входит разработка мероприятий по удешевлению и упрощению работы учреждения.

10% от экономии, образовавшейся в результате применения указанных предложений, зачисляются в общий фонд данного учреждения для премирования за принятые предложения, в том числе и за те предложения, которые хотя и не дают непосредственной материальной экономии, но упрощают работу учреждения и улучшают обслуживание населения.

Премия может выплачиваться за предложения, вызывающие: ускорение разрешения вопросов и прохождения документов; улучшение и ускорение обслуживания посетителей, упрощение учета и отчетности, уменьшение хозяйственных, почтовых и т. п. расходов и облегчение и улучшение условий труда.

Для определения размера получаемой экономии, установления размера премии и срока ее выплаты при учреждении создаются комиссии из двух представителей администрации и одного представителя месткома данного учреждения.

(Инстр. НКТруда, НКФ и НКРКИ РСФСР № 314 от 5 ноября 1928 г. — «Изв. НКТ» № 49—28 г.)

По союзным республикам.

Сельские суды в Азербайджане.

Вопрос о том, что наши суды загружены мелкими делами, не успевают рассматривать их, и отсюда медленное разрешение дел, доходивших до суда иногда через год — полтора после своего возникновения, для Азербайджана имеет весьма актуальное значение.

Актуальность этого вопроса тем более велика, что, по имеющимся в нашем распоряжении данным, соотношение между поступившими и разобранными делами дает значительный разрыв между собой.

Средний процент разобранных дел как гражданских, так и уголовных, выражается цифрой в 60,4% по отношению к поступившим делам.

Загрузка наших судов целым рядом мелких дел вынуждала к принятию каких-либо мер, которые могли бы разгрузить суды от них.

Представленный Наркомюстом на утверждение АзЦИКА проект постановления «об учреждении сельских судов для рассмотрения мелких гражданских и уголовных дел», в некоторой степени разрешает этот наиболее в Азербайджане вопрос.

Вводная часть проекта так и отмечает: «В целях приближения суда к сельскому населению и более быстрого разрешения мелких гражданских и уголовных дел, Азербайджанский ЦИК и СНК АССР постановляют», далее следует 19 статей проекта, которыми регламентируются как организация, так и порядок разрешения дел в сельских судах.

Организация сельского суда строится на следующих началах: председатель—член сельского совета, выбираемый советом же, заседатели (двое) по списку, составленному советом, при чем количество заседателей и число кандидатов к ним, также определяется советом. Разумеется, нарзаседателями могут быть только трудящиеся обоого пола и пользующиеся избирательным правом по Конституции.

Нарзаседатели обязаны принимать участие в судебных заседаниях не более трех раз в году, и за неуважительную неявку могут быть оштрафованы председателем сельсовета, но не более, чем на 1 руб. Ответственность, во время исполнения своих обязанностей нарзаседатели несут в том же порядке как и члены сельсовета.

Следующие статьи относят к компетенции сельских судов: гражданские дела: а) иски о праве собственности на всякого рода имущество, за исключением строений и права застройки на сумму не свыше 15 рублей; б) иски о денежных взысканиях по всякого рода договорам и обязательствам на сумму не свыше 15 руб., за исключением заработной платы и алиментов; в) иски об убытках за неумышленное повреждение имущества на сумму не свыше 15 руб.; г) иски по найму имущества, не являющиеся спором по землепользованию, при условии, что сумма платежей за весь срок найма не превышает 15 руб., и уголовные дела: а) об оскорблениях, нанесенных словесно, письменно или действием (ст. 202 Уг. Код. АССР), б) о нанесении ударов и побоев, связанных с телесными повреждениями (1 ч. 184 ст. УК АССР); в) об умышленных потравках на сумму не свыше 15 руб.; г) о мелких кражах, на сумму не свыше 15 руб., совершенных без применения каких-либо технических средств в первый раз и без сговора с другими лицами.

Разрешение указанных дел сельскими судами допускается в том случае, если истец, ответчик или потерпевший проживает в районе данного сельсовета, или же истец и потерпевший хотя и не проживают в пределах этого сельсовета, но обращаются не в общий нарсуд, а в сельский суд.

Примечание к ст. 6 категорически устанавливает, что «дела, в которых в качестве одной из сторон являются государственные учреждения или предприятия, а также общественные или кооперативные организации, рассмотрению сельских судов не подлежат».

Меры социальной защиты, которые может применять сельсуд,—это штраф, при чем максимальный—15 руб. и только за мелкие кражи сельский суд может применять в качестве меры социальной защиты принудительные работы на срок до одного месяца. За исключением дел о кражах, которые могут быть возбуждены по сообщениям должностных лиц и учреждений, все остальные дела возбуждаются не иначе, как по заявлениям и жалобам заинтересованных лиц.

Интересным в проекте является то, что порядок отмены решений и приговоров сельских судов необычен. Если прокурор или народный судья, в районе которого действует сельский суд, признают, что постановление одного из сельских судов существенно нарушает интересы государства или трудящихся масс, они сейчас же выносят постановления о приостановлении исполнения решения или приговора сельского суда и вносят дело на рассмотрение народного суда по существу (ст. 15 проекта).

Последнее, что мы хотели бы отметить, это то, что сельский суд обязан рассмотреть поступившее к нему дело в течение одной недели со дня поступления, и что дела, производящиеся в сельских судах, освобождаются от всякого рода сборов и пошлин (ст.ст. 10 и 16). Надзор за деятельностью сельских судов, понятно, возлагается на НКЮ АССР.

Другими статьями проекта ничего особенно существенного не предусматривается, поэтому мы оставляем их без рассмотрения.

Опыт, который предполагает проводить НКЮ Азербайджана, чрезвычайно интересен. Мы пока не беремся судить, насколько удачен или неудачен он будет, но нужно полагать, что при всех недостатках работы сельского суда все-таки он принесет большую помощь нарсудам, разгрузив их от мелочи, и что перевес будет все-таки в пользу сельских судов.

Г. Кузан в.

Гор. Бану.

На местах.

Как работает бюро юрисконсультов при Ярославском губпрокуроре.

Едва организовавшись, бюро постановило себе задачей: ознакомиться с деятельностью и условиями работы юрисконсульты, путем заслушивания докладов о их деятельности, а где это вызывалось необходимостью,—путем обследования; осветить задачи совещания среди руководителей учреждений, предприятий и кооперативных организаций; установить порядок оказания юридической помощи населению, силами юрисконсульты, увязав эту работу с АПО прокуратуры; доклады по правовым вопросам и по вопросам юридической практики; организовать юридический кабинет при бюро, в котором каждый юрисконсульт мог бы получить необходимый законодательный материал, а кроме того—для обслуживания госучреждений и кооперативных организаций, не имеющих у себя штатных юрисконсульты.

Намеченные задачи выполнены, за исключением организации юридического кабинета, завершить которую не удалось, за отсутствием средств. Для ознакомления руководителей предприятий и учреждений с задачами совещания юрисконсульты, было созвано совместное совещание последних с руководителями, на котором в достаточной степени было охарактеризовано значение института юрисконсульты, определены их права и обязанности, разработана и принята совещанием инструкция о деятельности юрисконсульты. Для оказания юридической помощи населению юрисконсульты, по согласованию с АПО, прикреплены к определенным предприятиям и Консультационным Бюро, где производится дежурство по установленному расписанию.

Два раза в месяц собираются секции. На них заслушаны доклады как о деятельности почти всех юрисконсульты (в результате этого, имеется возможность судить о качестве работы юрисконсульты), так и по вопросам правового характера, относящимся к роду деятельности каждой секции.

Дальнейшая работа секций строится на принципе самостоятельности юрисконсульты, и посвящена практической проработке правовых вопросов, анализу действующего законодательства, с точки зрения соответствия его жизненным интересам и вовлечения юрисконсульты в общественную работу.

Румянцев.

г. Ярославль.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ №№ 3 и 5.

Циркулярное извещение № 3.

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ и ГУБЕРНСКИМ СУДАМ и ПРОКУРОРАМ, НКЮ и ГЛАВСУДАМ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК.

О сроке созыва 6 С'езда прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР.

Согласно постановления Коллегии НКЮ от 7-го января 1929 года, VI С'езд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР назначен на 20 февраля 1929 года в г. Москве.

Начальник Организационно-Инструкторского Управления НКЮ **Стельяхович.**

8 января 1929 г.

Циркуляр № 5.

ВСЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ КРАЙ-, ОБЛ-, ГУБ- и ОКРСУДОВ и КРАЙ-, ОБЛ-, ГУБ- и ОКРПРОКУРОРАМ.

Копия: НКЮ автономных республик и распредномам.

О реальном применении закона от 21/V—28 г. о принудительных работах.

Постановлением объединенного заседания ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. Народному Комиссариату Юстиции было предложено принять срочные меры к тому, чтобы впредь не применялось, в качестве меры социальной защиты, краткосрочное лишение свободы.

Во исполнение этого постановления Правительства, Народным Комиссариатом Юстиции и Верховным Судом 20 августа 1928 г. директивным письмом судам было предложено применять краткосрочное лишение свободы с чрезвычайной осторожностью, заменяя его всюду, где можно, согласно соответствующих статей Уголовного Кодекса, принудительными работами, штрафом, увольнением от должности, высылкой и другими мерами социальной защиты. Вместе с тем, специальным циркуляром за № 25/с от 30 июля 1928 г. Народный Комиссариат Юстиции распорядился, чтобы повсеместно распределительные комиссии немедленно перевели на принудительные работы всех заключенных, осужденных к лишению свободы на короткие сроки, до года включительно.

Несмотря на указанные директивы, фактическое положение продолжает оставаться явно неудовлетворительным. Суды не только не усвоили себе совершенно ясных и четких указаний Правительства, но и не приняли к исполнению не менее категоричных и прямых предложений Народного Комиссариата Юстиции. В результате, в то время как на 1 марта 1928 г. по Республике имелось налицо осужденных к лишению свободы на срок до одного года 24.583 человека или 24,8% общего числа заключенных, следственных заключенных—36.024 чел., или 32%, а всего лишенных свободы—111.806 человек,—на 1 декабря 1928 г. осужденных до одного года оказалось 31.026, или 27,3%, следственных—29.216 человек, или 25,7%, и всего лишенных свободы—113.555 человек.

Таким образом, мы имеем, вместо ожидаемого резкого снижения, совершенно реальный рост краткосрочных заключенных и малозаметное снижение следственно-заключенных.

Одновременно произведенное обследование показало, что принудительные работы на местах, в большинстве случаев, оказались неорганизованными, при чем, в частности, именно на это обстоятельство ссылались некоторые суды, продолжая старую линию карательной политики.

Признавая в дальнейшем подобное положение абсолютно нетерпимым, Народный Комиссариат Юстиции, в отмену циркуляра № 149/9 от 23 ноября 1928 г. и в развитие ранее изданных циркуляров, предлагает:

1. Строжайшим образом проследить за тем, чтобы с момента получения на местах судами данного циркуляра впредь не было вынесено ни одного приговора народного суда, осуждающего к краткосрочному лишению свободы до одного года. Указать судам, что, в случае установления такого нарушения, сам вынесший приговор судья будет предан суду по обвинению в неисполнении распоряжений центрального Правительства и узнает на собственном опыте, что такое принудительные работы.

Исключения крайне редкие могут иметь место лишь в отношении упорных рецидивистов, судившихся свыше двух раз. В этих случаях, как правило, на основании 35 ст. УК должна применяться ссылка с обязательным поселением в отдаленных местностях.

2. Предложить судам во всех случаях, когда по Уголовному Кодексу предусмотрено лишение свободы до одного года, прибегать исключительно к принудительным работам, штрафам, высылке и другим мерам социальной защиты, используя при этом права, предоставляемые ст. 51 Уголовного Кодекса, отнюдь не допуская в обход настоящего распоряжения назначение длительных сроков лишения свободы по маловажным преступлениям.

3. Немедленно произвести на местах обследования мест заключения с тем, чтобы немедленно же, через распределительные комиссии, рассмотреть вопрос о всех находящихся в этих местах заключения краткосрочных и перевести их на принудительные работы на те же сроки в порядке прямого предложения настоящего циркуляра, со ссылкой на постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. Эта работа должна быть закончена в полуторамесячный срок со дня получения циркуляра.

4. Немедленно, лично, окружным, губернским, областным и краевым прокурорам, по принадлежности, пересмотреть все дела о следственно-заключенных на предмет смягчения меры пресечения во всех тех случаях, когда содержание под стражей не вызывается исключительной необходимостью. То же должно быть произведено и председателями соответствующих судов в отношении подследственных и кассационных, числящихся за судами.

5. Край-, обл-, губ- и окрпрокурорам немедленно поставить перед соответствующими исполнительными комитетами вопрос о срочной организации принудительных работ, если таковые в данной местности еще не организованы, указав, что в случае неисполнения постановления СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. («Е. С. Ю.» № 2 1928 г.) и циркуляра НКЮ № 136 от 24 октября 1928 г. («Е. С. Ю.» № 38/39—1928 г.) в кратчайший срок, им, прокурором, будет поставлен вопрос о привлечении к ответственности лиц, возглавляющих административные отделы, вплоть до отправки этих лиц, в порядке судебного приговора, также на принудительные работы.

6. Краевым, областным и губернским прокурорам и прокурорам автономных республик к 5-му числу ежемесячно, в течение ближайших трех месяцев, представлять сведения на 1 число месяца о количестве краткосрочных, долгосрочных, следственно-заключенных и кассационных.

7. Своевременное и точное проведение в жизнь директив Правительства и НКЮ о снижении краткосрочного лишения свободы и процента следственных заключенных и организации принудительных работ возлагается на персональную ответственность всех лиц прокурорского надзора и судей. Виновые в нарушении этих директив будут привлекаться к строжайшей ответственности.

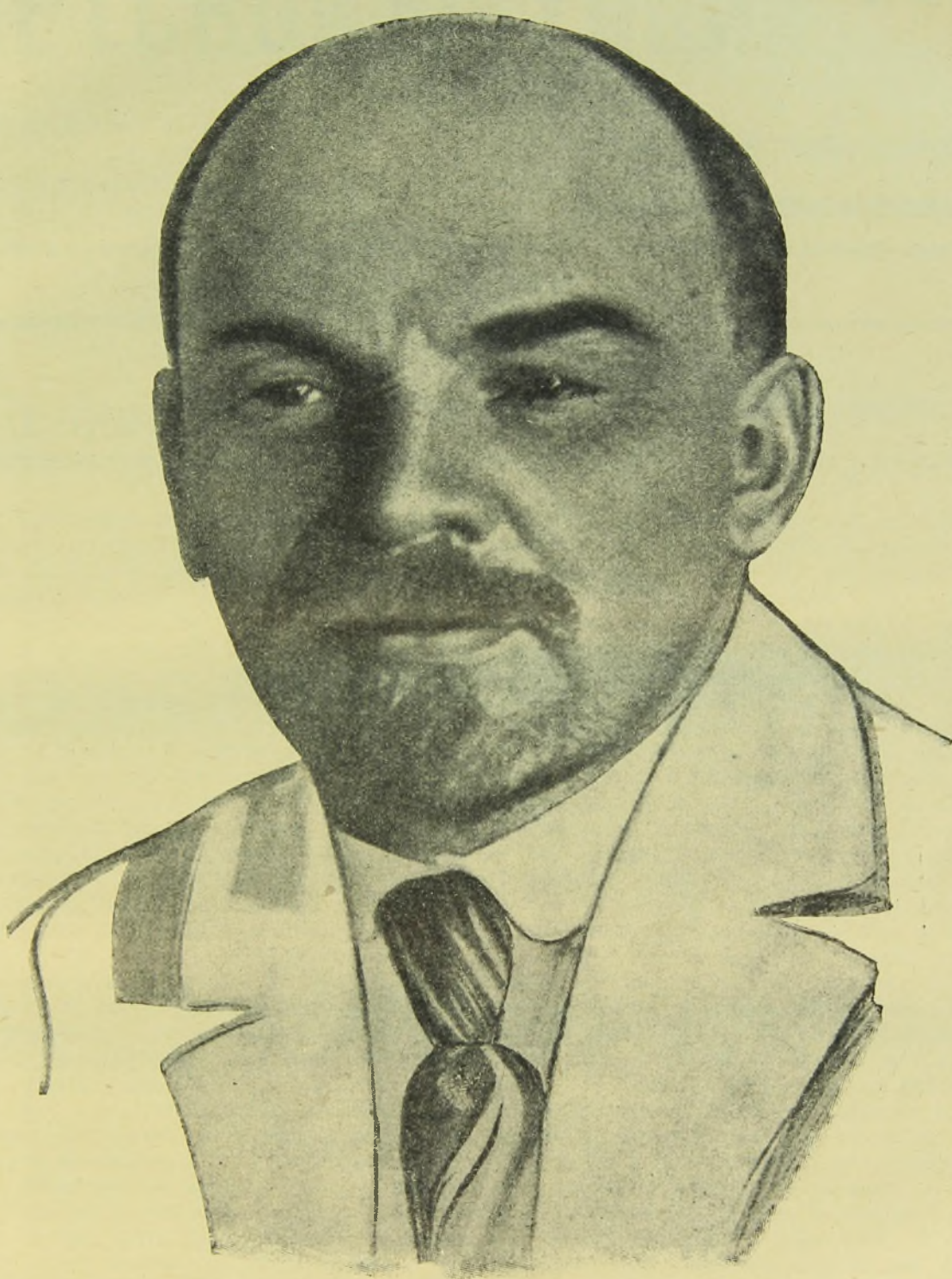
8. Этот циркуляр должен быть немедленно, по получении, доведен до сведения и руководства всем работникам суда и прокуратуры.

Народный Комиссар Юстиции **Янсон.**

14 января 1929 г.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор: **Я. Бранденбургский.**

В. И. Ленин

